П. А. Беляков

В ПРИЦЕЛЕ «БУРЫЙ МЕДВЕДЬ»

РАССКАЗЫВАЮТ



ФРОНТОВИКИ



В
И



Петр Алексеевич
БЕЛЯКОВ

РАССКАЗЫВАЮТ



1941 ★ ФРОНТОВИКИ ★ 1945

П. А. Беляков

В ПРИЦЕЛЕ «БУРЫЙ МЕДВЕДЬ»

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1977

1*

9(С)27
Б43

Беляков П. А.

Б43 В прицеле «Бурый медведь» («Рассказывают фронтовики»). М., Воениздат, 1977.

111 с.

Это — записки снайпера, одного из ветеранов Великой Отечественной войны. Автор, ныне подполковник запаса, Петр Алексеевич Беляков воевал южнее Сталинграда, в сальских степях, участвовал в освобождении Ростова-на-Дону, сражался на реке Миус. На его боевом счету 147 уничтоженных гитлеровцев. Снайпер делится боевым опытом, рассказывает о юношах-комсомольцах, их наставниках — командирах и политработниках.

О боевых делах снайперов сообщало Совинформбюро, о них писали фронтовые газеты, им посвящали поэты свои стихи. Все это в какой-то мере нашло отражение и в книге, рассчитанной на широкий круг читателей.

Б $\frac{11202\text{-}031}{068(02)\text{-}77}$ 42-77 9(С)27

⊙ ЮНОСТЬ ЗОВЕТ НА ФРОНТ

Мы жили вблизи станицы Арчединской, что раскинулась на левом берегу Медведицы, впадающей в Дон. Июнь 1942 года стоял жарким, и, когда выпадало свободное время, мы спешили к реке. А времени у нас было в обрез: в школе приближались выпускные экзамены.

Обстановка на фронте вновь осложнялась. Фашистские войска предприняли наступление на воронежском направлении, нацеливаясь на Сталинград. Над нашей станицей все чаще пролетали вражеские самолеты-разведчики, а на ее окраинах возводились укрепления, рылись окопы.

В школе, в старших классах, усиленно велась военная подготовка. Нас, десятиклассников, военным премудростям обучал старший сержант запаса Александр Павлович Ставропольцев. Он был молод — лет двадцати пяти, — широк в плечах и всегда носил военную форму: гимнастерку, брюки, заправленные в сапоги. И это нам нравилось. От старшего сержанта, участника боев на Карельском перешейке, мы узнали многое, что впоследствии пригодилось. Кстати, от него я впервые услышал слово «снайпер». Оно звучало несколько странно. Привычным в то время было выражение «ворошиловский стрелок».

Старший сержант увлек нас рассказом.

— Снайпер, — говорил он, — сверхметкий стрелок! В боевой обстановке это большая сила. Помнится, наш стрелковый взвод получил задание зайти в тыл противнику. На опушке леса раздался одиночный выстрел — упал командир взвода. Мы залегли в снег. Один из бойцов попытался встать и тоже был убит...

Военрук замолчал. Мы заметили, как его рябоватое лицо слегка побледнело.

— Кто же возглавил взвод? — спросил я. — Помкомвзвода?

— Помкомвзвода был среди бойцов, — глухо произнес военрук. — Это был я, друзья. И я поднял в атаку бойцов. Но тут же упал...

Старший сержант расстегнул гимнастерку, и мы увидели на его теле лиловатый рубец от раны.

— Боевую задачу взвод выполнил, но с потерями, — закончил Александр Павлович. — А стрелял в нас вражеский снайпер — «кукушка».

Рассказ с «наглядным пособием» произвел на нас сильное впечатление. Хотелось научиться стрелять без промаха. И мы ходили в тир, состязались в стрельбе из малокалиберной винтовки.

Занятия в школе продолжались. На переменах мы спрашивали военрука: «Прорвутся ли немцы к Дону, к нашим родным местам, или их остановят и разобьют?»

А враг уже готовился форсировать Дон. Советское командование принимало меры к тому, чтобы остановить противника: через станицу двигались войска. Запыленные, уставшие бойцы и командиры накоротке делали привал, располагаясь на обочинах дороги, и снова шли к Дону.

В станице расположился штаб стрелковой части. Крики «ура!» оглашали окрестные бугры и лощины — здесь день и ночь шли тактические занятия. В тихую безветренную погоду с запада доносилась артиллерийская

стрельба, и тогда нас охватывало смутное чувство тревоги. Скоро и нам, безусым юнцам, придется участвовать в боях.

У одного из бойцов с загоревшим лицом и в вылинявшей добела гимнастерке я спросил:

— Есть ли в вашей части винтовка с оптическим прицелом?

— Конечно, есть. А в тех частях, где ее еще нет, будет... Скоро будет! — убежденно сказал он и дружески похлопал меня по плечу.

Красноармеец закинул за спину вещмешок и, широко улыбаясь, шагнул в строй роты, уходившей на передовую. Я же долго смотрел ему вслед.

Через неделю мы снова увидели того бойца. Его, раненного в голову, везли на подводе.

— Снайпер, проклятый, подметил, — улыбнулся он сухими, потрескавшимися губами.

Учителя-мужчины ушли на фронт. Остался лишь военрук. Он вместе с нами ходил в воинскую часть, где мы с мальчишеской настойчивостью выпрашивали боевые патроны.

Стрелять — юношеская страсть. Я не встречал сверстника, который бы не любил этого занятия. Как-то, возвращаясь из школы, мы услышали стрельбу короткими очередями.

— Из пулемета строчат! — догадался Ваня Гуров.

Мы пошли к месту стрельбы.

— Стой! — грозно окрикнул нас боец и подбросил в руках винтовку со штыком. — Не видите красные флажки? Сюда нельзя ходить! Нельзя! Назад!

Мы стали уговаривать красноармейца пропустить нас в овраг.

— Назад! — твердил он. — Стрелять буду!

На шум подошел политрук, посмотрел на нас с любопытством.

— Стрелять хотите? — с сочувствием спросил он.

— Очень, — почти хором ответили мы.

— А знаете ли вы какой-нибудь пулемет?

— И «максим» и «дегтярь» знаем, — похвалился Павлик Дронов, называя пулеметы именно так, как это делают фронтовики.

— Пропустить! — приказал политрук часовому и, подойдя к нему ближе, добавил вполголоса: — Они же без пяти минут солдаты.

Мы волновались, стреляли не очень-то метко. Похвалу заслужил лишь Сема Марчуков: его попадания были почти «снайперскими».

Фронт приближался.

По бугру, где проходила грунтовая дорога, соединяющая города Серафимович и Михайловку, вздымая пыль, гремели гусеницами танки.

— К Дону идут, — высказал догадку Павел Дронов.

А через каких-нибудь полчаса над нашими головами с ревом пронеслись бомбардировщики, тоже к Дону.

Мы сообща ходили в военкомат — просились добровольцами на фронт. Нам казалось, что время не терпит, иначе война закончится без нашего участия. Но военком отвечал одно:

— Ждите. Ваш черед еще придет.

На полях зрела рожь. Не хватало рабочих рук, и школьники вместе с женщинами охраняли посевы, уничтожали черепашку, которой в тот год расплодилось особенно много.

Закончились экзамены в школе. Прошел выпускной вечер. Мы с грустью расходились по домам. Даже боевая казачья песня «Ой да кони ржут, а пики блещут», которую запел Ваня Гуров с присущим ему азартом, не подняла настроения. Когда же позовут нас на фронт?

⊙ ПРОВОДЫ

Крепкая, завидная дружба завязалась между мной, Семой Марчуковым, Павликом Дроновым и Ваней Гуровым. Мы учились в одной школе, трудились в одном колхозе, жили в одном казачьем хуторке, изогнувшемся подковой вдоль сплошной гряды холмов вблизи станицы.

Павлик Дронов — паренек спокойный, неторопливый. У него в кармане всегда имелся табачок — курить он начал рано — и что-нибудь съестное. Вырос Павлик в многодетной семье, и это, видимо, наложило свой отпечаток на его характер.

Ваня Гуров — весельчак и балагур. О таких говорят: за словом в карман не полезет. Любил он пословицы, поговорки. И выражение лица у Вани хитроватое, с усмешкой.

Если Павлик Дронов среди нас был самый тихий, Ваня Гуров — неугомонный, то Сема Марчуков отличался красотой. У него выразительные карие глаза, приятное смугловатое лицо. Рослый, плечистый, он обладал незаурядной силой. В школе никто не мог с ним соперничать в спорте. Не будь войны, Семен мог бы стать отличным спортсменом.

У нас, ребят из казачьего хутора, была склонность к лихости, хотелось быть у всех на виду. Больше всего мы боялись, что нас могут посчитать трусливыми. Свои чувства мы выражали в боевых казачьих песнях. Запевалой был Ваня Гуров. И сейчас, если меня спросят, что я люблю в жизни особенно сильно, я отвечу: «Слушать, как поют казаки».

Тревожное время еще больше сближало нас, укрепляло дружбу.

На наших глазах пустели станицы и хутора. Отцы и старшие братья уходили на фронт. От многих из них давно уже не приходили письма. С замиранием сердца мы

вглядывались в черный раструб репродуктора. Как там, на фронте? Что сталось с нашими близкими? Горечь утраты довелось испытать Павлу и мне первыми. Наши семьи почти одновременно получили черные вести о гибели Григория — моего брата и Ильи — брата Павла. Мы услышали причитания своих матерей и сами плакали. Горе все чаще навещало наш хутор.

Мы проклинали немецких оккупантов, но, надо сказать, настоящей солдатской ненависти в нас еще не было. Она пришла позже, пришла через кровь, жестокие бои и гибель друзей.

В первых числах августа фашистские летчики бомбили железнодорожный мост через Медведицу, а затем и районный центр — Михайловку.

На хутора из города потянулись со скарбом на телегах и тачках местные жители. В сторону Дона продолжал двигаться поток машин с техникой и бойцами. Войска передвигались теперь, как правило, ночью. Над дорогами висели вражеские самолеты-разведчики. Все чаще раздавались близкие разрывы бомб. Война вплотную подходила к нашим станицам и хуторам.

22 августа... Вот и мы получили повестки явиться на призывной пункт. Наконец-то! Проводить нас собрались близкие и знакомые. Девушки, понимая, что расстаются с парнями надолго, а то и навсегда, целовали их, не стесняясь своих матерей. И тогда можно было слышать:

— А Ванятка-то мой с твоей Аней целуется, погляди-ка!..

Август — месяц щедрый на фрукты и овощи. Нам, призывникам, совали в карманы и сидоры груши, яблоки, сливы, терн. Женщины — и пожилые, и молодые, — забегая вперед, переходили пыльную дорогу с полными ведрами воды: по казачьей примете, жизнь наша от этого будет полной, как ведра на коромыслах.

Ни одна мать не хотела думать, что сын ее может не вернуться с войны. Отец Павлика Дронова, старый казак Агап, напутствовал нас:

— Друг за друга стойте горой. Исстари повелось у нас, казаков, в станицу не возвращаться с позором. Струсишь в бою — позор! Не меньший позор — оставить друга в беде. Словом, попал друг в беду — умри, но спаси его от той беды. Не кладите грех на душу. Помните, сынки, мой совет...

Мы шли на Камышин, куда нас вел командир из военкомата, шли с вещмешками, набитыми продуктами, с думами о семьях и своем близком будущем.

По пути к нам присоединились юноши из станицы Етеревской, оплаканные, как и мы, матерями. До Камышина дошагали бодро. На ночлег остановились в поле у скирды. Ночью нас разбудили мощные взрывы. Камышин бомбили. На рассвете мы вступили на улицы города, засыпанные битым стеклом, черепками посуды и шифера. Через Волгу переправились благополучно. Пешком и поездом добрались до станции Баскунчак, которая тоже подверглась жестокой бомбардировке. За Эльтоном сели на открытые платформы с углем. Через час почернели от угольной пыли и стали походить на негров.

Вот и Астрахань! Рукава Волги... Вода и вода! На углах улиц ребятишки продают рыбные котлеты, малосольную сельдь и лещей. Совсем близко золотятся купола церкви астраханского кремля. Что ты сулишь нам, славный волжский город?

⊙ ЛЕЙТЕНАНТ ТУЗ

Вскоре мы узнали, что зачислены в состав формируемой 159-й отдельной стрелковой бригады, что командиром ее назначен подполковник Александр Иванович Булга-

ков, в прошлом донецкий шахтер, и что бригада входит в 28-ю армию Сталинградского фронта.

У армии сложная боевая задача: прикрыть астраханское направление, не допустить осуществления черных замыслов врага, рассчитывавшего нанести удар вдоль Волги, выйти к Астрахани, парализовать судоходство по реке.

Личный состав бригады почти поголовно состоял из уроженцев Сталинградской, Астраханской областей и Калмыцкой АССР. Старшины приступили к экипировке бойцов своих подразделений.

Сема Марчуков попал в пулеметчики и вскоре был назначен командиром расчета станкового пулемета «максим». Ваню Гурова зачислили в разведку, а Павла Дронова — писарем в четвертую стрелковую роту. В ту же роту направили и меня — стрелком второго взвода. Многие изъявили желание стать истребителями танков, минометчиками, артиллеристами.

Когда бригада была сформирована, на Казачьем бугре состоялся митинг. В новеньком обмундировании, вооруженные, мы стояли в шеренгах и слушали военного комиссара Максима Никифоровича Михеева.

— Фашисты поставили перед собой задачу — захватить нашу землю и превратить наш народ в рабов. Но на это мы ответим фашистам словами великого революционера-демократа Чернышевского: «Для нас нелепа даже мысль о возможности иноземного ига». Наше дело правое — мы победим!

Военком рассказывал о чудовищных зверствах, чинимых гитлеровцами на советской земле. Он привел, в частности, сообщение партизан из Крыма: фашисты там расстреляли военнопленных, а также мирных жителей, среди которых были старики, женщины и дети. Раненых зарыли вместе с мертвыми в одной могиле. Голосом, потрясшим наши души, комиссар заключил:

— И три дня эта могила шевелилась!

— Сволочи! Зверье! —послышались возмущенные голоса.

А вверху нарастал гул вражеских бомбардировщиков, летевших на Астрахань. Подняв к небу руки, сжатые в кулаки, комиссар заговорил с еще большим гневом:

— Вот они, пираты! Они летят убивать людей, матерей и сестер наших. Уничтожать наше добро. Смерть немецким оккупантам! Смерть!

Забили зенитки. В небе появились пятна снарядных разрывов. Митинг закончился, и нам было приказано рассредоточиться по укрытиям.

Фашисты на этот раз достигли своей цели: от сброшенных бомб в городе вспыхнули пожары. В небо взметнулся зловещий жгут черного дыма. Это загорелась нефть.

Второй батальон расположился в местечке Старая Кочергановка, что на западной стороне Астрахани. Под казармы заняли помещение молочнотоварной фермы.

Началась напряженнейшая подготовка к боям. Утром, еще затемно, уходили мы в степь. Рыли окопы, бросали гранаты, выскакивали из укрытий и с криками «ура!» бросались в атаку на воображаемого противника. До изнеможения ползали по-пластунски. В казармы возвращались полумертвые от усталости. А назавтра снова тактические занятия в поле. И так каждый день.

Как-то вечером в казарму забежал Павлик Дронов.

— Лейтенант Туз тебя вызывает, — сообщил он и загадочно улыбнулся.

Иосиф Калинович Туз — командир роты. Он выделялся высоченным ростом и носил большие очки в черной роговой оправе. Мы знали, что лейтенант уже побывал

на фронте. В бою, в рукопашной схватке, фашисты выбили ему зубы, и теперь он носил протез, который, однако, мешал говорить. Вместо одного «р» ротный командир порой произносил три. Но это придавало его командам какую-то особую силу. Лейтенант имел высшее военное образование. Тактичный, внимательный к людям, он вместе с тем был очень строг, всячески поддерживал воинский порядок. Мы ценили эти качества командира. Строгость не отталкивала, а, напротив, сближала нас с ним. По душе нам были и всегда бодрый его настрой, и опрятный вид. Никто никогда не встречал лейтенанта в распахнутой шинели, с расстегнутым воротником гимнастерки или в фуражке, надетой лихо, набекрень. Уже один внешний вид командира внушал к нему уважение.

Одновременно со мной к командиру роты прибыл еще один боец, среднего роста, с внимательными серыми глазами.

Причину вызова лейтенант Туз объявил без лишних слов:

— Нам известно, что оба вы, Беляков и Спесивцев,— ворошиловские стрелки. Будете учиться в снайперской школе. Надеюсь, из вас выйдут добрые стрелки.

«Снайпер»! Это слово я впервые услышал в десятом классе от военрука, знал, что от снайпера требуются высокое искусство точно поражать цель и особая ответственность за каждый выстрел. Но ни я, ни Спесивцев не видели снайперской винтовки. Поэтому мы в нерешительности переглянулись. Лейтенант, заметив наше замешательство, заключил:

— Будете плохо учиться, другими заменю. Учтите: быть снайпером — высокая честь.

Мы не обиделись на сухой наказ командира. Действительно, искусству метко стрелять надо учиться в полную меру сил.

⊙ ПОСВЯЩЕНИЕ В СНАЙПЕРЫ

Прямо с тактических занятий мы со Спесивцевым пошли в город. На одной из улиц, где размещался штаб бригады, нас встретил невысокого роста, коренастый лейтенант Штанов. Это и был начальник снайперской школы. Мы представились.

Лейтенант Василий Штанов нам понравился с первого взгляда. Движения у него были энергичные, уверенные, голос внушительный, а взгляд теплый, приветливый. На гимнастерке лейтенанта поблескивали медаль «За отвагу» и значки за отличную стрельбу.

На занятиях мы слушали командира внимательно, ловили каждое его слово.

— Без дисциплины не может быть снайпера, — говорил нам начальник школы, и мы видели уже не теплый, а очень строгий взгляд лейтенанта. — Кто не хочет безупречно повиноваться, того не держу.

Тренировались мы с обыкновенной винтовкой, к которой был прикреплен диоптрический прицел. Занимались до седьмого пота, как и требовал начальник. Через каких-то три-четыре дня каждый из нас уже наводил точка в точку. Однако упражнения с одной наводкой, без выстрелов, стали уже порядком надоедать. Это заметил и лейтенант.

— Не вешать носа! Скоро настоящие «снайперки» получим.

— Скорей бы, — с грустью сказал Володя Спесивцев. — А то как играем...

Лейтенант возразил:

— Помните, друзья: не научитесь наводке на простой винтовке — не стрелять вам и из «снайперки».

И мы продолжали тренироваться. На десятый день у подножия холма состоялись боевые стрельбы. Лейтенант

отстрелялся первым. Все его пули легли в черный круг, три из пяти поразили десятку.

— Так бы научиться попадать! — завидовали мы.

Но и наши попадания оказались неплохими. Не выполнил упражнения лишь красноармеец Мороз. Помню, как он тщательно осматривал мишень. Но следов двух пуль на ней вообще не оказалось.

— За молоком пошли, — подтрунивали друзья.

Но Морозу было не до смеха.

— Не надо торопиться, — сказал лейтенант. — Спешка делу вредит. Есть терпение — будет и умение.

Эти слова мне запомнились на всю жизнь.

На тактических занятиях лейтенант Штанов требовал от нас отличной маскировки. Он никому не делал скидок.

— Немец не дурак. У него опыта не меньше нашего — три года воюет. Если спрячешься в бурьян, что погуще, скорее себя выдашь. Фашист поймет, что тут советский снайпер засел. Установит наблюдение. А там, гляди, и пулю влепит. Ничто не должно резко отличать позицию снайпера на местности...

Расширились наши знания и по истории снайперского искусства. Оказывается, слово «снайпер» происходит от английского слова «snipe», что означает «стрелять из укрытия». Есть и другое объяснение: от слова «snipe» — «бекас», охотиться на которого может только натренированный, профессиональный стрелок. Лучшие стрелки использовались в боях еще с давних времен и были известны при Суворове и Кутузове. Суворов, например, использовал отборных стрелков во время штурма Измаила (1790 год). Меткие стрелки помогали русским воинам взбираться по лестницам на стены крепости, выбивая турецких стрелков. А в 1914 году во время первой мировой войны по указанию генерала Брусилова были созданы целые команды снайперов. Снайпер одной из этих команд

рядовой Пензенского полка Бекетов за короткий срок уничтожил четырех вражеских солдат и одного офицера.

— Так что есть с кого брать пример, — говорил лейтенант. — И мы должны бить врага метко и без пощады.

Вечером привезли снайперские винтовки. Это была для нас настоящая радость. Мы с трепетом осматривали оружие. Деревянные части винтовок были тщательно отполированы, покрыты лаком, а металлические — жирно смазаны. Окуляры зачехлены. На оптику надеты кожаные колпачки.

Видно было, что винтовки изготовлены умелыми и заботливыми руками. Это породило в нас чувство гордости за тех, кто с такой любовью делал оружие, необходимое для победы над врагом.

На вручение винтовок приехал комиссар бригады Михеев. Каждому, кто получал «снайперку», он крепко жал руку.

— Береги. Пуще глаза береги свое оружие, — напутствовал меня комиссар. — Это твоя жизнь. Твоя честь. Твоя будущая слава...

⊙ В СТЕПИ

Мы стреляли почти каждый день. Одно плохо — стрельбище было не оборудовано, и всякий раз, отстреляв пятью патронами, приходилось бегать к мишеням, чтобы проверить попадания. Зато снайперские винтовки били точно. Видно, их отлично пристреляли еще в заводском тире. Лидировали в стрельбе я и Спесивцев. Мне казалось: пуля, словно натренированная, летит по моей воле именно туда, куда я желаю.

Лейтенант Штанов заметил:

— Это хорошо. Снайпер должен верить в свой выстрел.

Как-то мы возвращались с очередных стрельб. На пути показались высокие вербы, росшие на берегах затона. На сучок одной из них кто-то повесил пустую консервную банку. Ветерок слегка покачивал ее. Лейтенант остановился: впереди отличная цель.

— Кто сумеет с одного выстрела поразить банку? — спросил командир. И, не дожидаясь ответа, объявил: — Проведем состязательные стрельбы.

Я вызвался первым. Положил винтовку на плечо Володи Спесивцева, прицелился. Но вот подул легкий ветерок. Банку еще больше закачало. «Неужели промахнусь?» Банка на какое-то мгновение оказалась в перекрестье прицела. Плавно нажал на крючок. Грянул выстрел, и банка полетела вниз.

— Ура! — закричали друзья.

За шумным разговором никто не заметил, как к вербам подъехал «виллис». В открытой машине рядом с шофером сидел комбриг Булгаков, а сзади него — комиссар Михеев. Мы замерли в ожидании чего-то недоброго.

— Значит, по банкам стреляете? — строго спросил комбриг, вылезая из кабины. — Боевые патроны тратите не по назначению?

— Вырабатываю у бойцов меткий глаз, — спокойно доложил лейтенант.

— Кто в банку попадет, тот и в фашиста не промахнется, — бойко заметил Володя Спесивцев.

Комбриг хотел еще что-то сказать, но тут в разговор вступил комиссар Михеев:

— У вас что, просто стрельба или...

— Состязательная стрельба, товарищ комиссар, — доложил лейтенант. — Условие такое: попасть в банку с первого выстрела.

— Это другое дело, — снова заговорил комбриг, и в его глазах запрыгали веселые огоньки. — Лучших стрелков поощрить!

Комбриг, пригласив нас в круг, поинтересовался, как мы учимся.

— Вижу, что снайперы созрели для экзамена, — сказал он в заключение. — Через три дня назначаю итоговые стрельбы. Вы, оказывается, любители условий. Вот вам, лейтенант, основное условие: не выполнят снайперы упражнений — в бой не пущу. Будете в обозе. — И, уже закрывая дверцу машины, добавил с напускной угрозой: — Это я вам говорю — комбриг! Ясно?

«Виллис» скрылся из виду. Мы знали: командир бригады слов на ветер не бросает. К стрельбам начали готовиться старательно.

По приказанию комбрига группа бойцов приводила в порядок стрельбище. Отрывались траншеи, из которых должны показываться мишени-цели. Стрельбище нужно было не только для снайперов, но и для стрелковых подразделений. Никто из нас не знал, какое упражнение будем выполнять на экзаменах. Но между собой говорили: наверняка придется стрелять по бегущей мишени. Наши догадки подтвердились: из штаба поступило приказание делать фанерных «фашистов» в полный рост. Мишени сооружали бойцы из четвертой стрелковой роты, а нас, снайперов, лейтенант Штанов увел в степь.

Стояла безветренная солнечная погода. Над головой тихо плыли серебристые нити паутины. Хорошо осенью в астраханской степи! Воздух густо напоен ароматом разнотравья. Сильнее всего ощущаешь терпкий запах трав — тонконога и белой полыни. Дышишь — не надышишься. Степного простора хоть отбавляй — ни конца ни края! А где-то там, за далью, в калмыцкой степи, наши войска сдерживают напор врага, рвущегося к Астрахани. Скоро на помощь героям-фронтовикам придем и мы, юноши нижневолжского края, Дона и Калмыкии.

— Приступить к тренировкам! — командует лейтенант.

Нелегко высчитывать в уме «с быстротою молнии», как любил выражаться Штанов, боковые поправки на ветер, тем более если цель перемещается со скоростью 50, а то и 80 метров в минуту. Но мы уяснили, как быстро и плавно поворачивать маховичок боковых поправок. Познали и многие другие секреты «снайперки». Лейтенант настойчиво учил нас быстрому перезаряжанию, почти мгновенному прицеливанию и более всего тренировал в стрельбе по бегущей мишени.

— Враг ждать не будет, когда ты по нему пальнешь. Важно научиться стрелять по бегущему. А тут нужно учитывать все: и скорость ветра, и скорость движения цели. И все делать четко, сноровисто, быстро...

К вечеру, когда мы порядком устали, лейтенант подозвал нас к себе, загадочно улыбнулся. «Опять что-то придумал наш командир. Верно, какое-то новое условие. Ну, точно».

Лейтенант прикрепил к концу палки медный пятак.

— Кто собьет пятак с первого выстрела, тому первому стрелять на итоговых стрельбах.

Задумка лейтенанта нам по душе.

— А если промахнешься? — интересуется кто-то.

— Пеняй на себя...

Первым вызвался Мороз. Раздался выстрел, а монета осталась нетронутой.

— Мазила! — послышался возглас.

— Вильгельм Телль нашелся, — огрызнулся Мороз, — попробуй попади!

Неудача постигла и второго бойца. Тут наш пыл заметно охладел. Неужто вся учеба впустую?

— Разрешите мне, — поднимаю руку.

Ложусь на землю. Прижимаюсь к прикладу. В окуляре поле обозрения чистое и полное. Замираю. На па-

мять приходят слова лейтенанта: «Пулю шли сердцем... Верь в свой выстрел. И не торопись, когда есть возможность хорошо прицелиться». Цель действительно ничтожно мала. Пятак то и дело исчезает из перекрестья прицела. Правда, время не ограничено. Но я уже по опыту знаю, что это к худшему. От излишнего напряжения устают мышцы рук, начинает слезиться глаз. А сбоку стоят друзья, лейтенант. Их волнение вольно или невольно ощущаешь. Но вот медный кружок находит на перекрестье, и я плавно жму на спусковой крючок.

— Попал! — воскликнул Спесивцев.

На монете испытали себя и все мои боевые друзья.

Мы с Володей Спесивцевым были включены в первую пару на предстоящих стрельбах.

Быть может, иным такой метод обучения покажется несколько упрощенным, но он развивал у нас интерес к тренировкам, вносил в нашу учебу элемент соревнования. И если мне и моим товарищам удалось овладеть искусством снайперской стрельбы, то этим мы обязаны прежде всего лейтенанту Штанову, превосходному стрелку-снайперу, умелому наставнику и воспитателю.

Из степи мы возвращались с песней:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

Навстречу двигалась колонна. В строю шли красноармейцы с голубыми петлицами, все в новом обмундировании, отягощенные оружием. Это уходил на фронт батальон 34-й гвардейской стрелковой дивизии, передовые части которой уже вели бои на рубеже Красный Худук, Халхута. Мы знали, что дивизия сформирована в основном из десантников, и с уважением смотрели на бойцов.

В первой шеренге шагал рослый гвардеец, плотно прижимая к плечу ремень снайперской винтовки. Поравняв-

шись с нами, он широко улыбнулся, приветливо помахал рукой.

— Эгей!.. Коллеги! Удачного выстрела вам!

— Ни пуха ни пера! — ответили мы.

Лицо снайпера мне хорошо запомнилось: продолговатое, с крупным широким носом. Не знал я тогда, что именно этот парень станет известным снайпером Сталинградского, а затем Южного фронтов и судьба свяжет меня с ним.

⊙ ПЕРВАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

День выдался пасмурный. Со стороны калмыцкой степи подул холодный ветер, неся с собой терпкий запах застоявшейся полыни.

— Портится погодка, — замечает лейтенант Штанов и, обращаясь к нам, продолжает: — Смотрите не осрамитесь перед комбригом. Главное — спокойствие, выдержка. Действовать так, как учились. Пулю шлите сердцем, с верой в попадание. Цель разите с первого выстрела. Но и не торопитесь.

Подъезжает легковая машина. Комбриг Булгаков проворно ступает на землю, снимает с плеч бурку и передает шоферу. К машине направляется лейтенант Штанов, но комбриг машет рукой:

— Начинать! — И берет в руки бинокль.

Я и Спесивцев ложимся в заранее вырытые неглубокие окопчики и припадаем к окулярам. «Попади! Попади!» — подбадривает сигнальная труба.

Мишени комбинированные. Вначале — бегущая, затем где-то впереди с правой или левой стороны должна появиться грудная.

Первым по договоренности стреляю я, затем Спесивцев.

Проходит пять, десять минут, а цели не появляются.

— Что случилось? — спрашивает комбриг.

— Связь прервалась, — поясняет хрипловатым голосом капитан, ответственный за стрельбы. Он, наверное, переживает больше всех. Но вот повторно играет труба: «Попади!»

А мишеней по-прежнему не видно. Устает от напряжения рука. От встречного ветра слезятся глаза. Плохо! «Неужели промажу?» — сверлит голову мысль.

— Что случилось? — снова спрашивает комбриг.

— Веревки от тележки в кустах запутались, — виновато докладывает капитан.

— Тьфу! — выругался комбриг.

Но в это время в пятистах метрах задвигались черные фигуры.

Произвожу три выстрела подряд. Слева неожиданно выглядывает грудная мишень. Неторопливо переношу на нее прицел, стреляю. А мысль неотступно контролирует: «Все ли сделал как надо? Кажется, все!»

И вот уже к ногам Булгакова кладут щитки.

— Попадания отличные, — довольно произносит комбриг. — Снайперу Белякову объявляю благодарность.

Так я получил первую благодарность за успехи в службе.

Стрельбы закончились. Это был первый в истории бригады выпуск снайперов. К вечеру мы вернулись в свои роты. Лейтенант Туз зачислил меня и Спесивцева в так называемую ячейку управления роты, куда кроме нас входили старшина, связной и ординарец.

В полдень 19 ноября состоялся митинг. Нам объявили о том, что войска Красной Армии под Сталинградом перешли в решительное наступление, прорвав оборону противника.

Долго не смолкало «ура!».

20 ноября перешла в наступление и наша 28-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Гераси-

менко. В районе Халхуты по фашистам нанесли удар гвардейцы 34-й стрелковой дивизии генерал-майора И. И. Губаревича, бойцы 152-й стрелковой бригады полковника В. И. Рогаткина.

Теперь дело за нами.

⊙ МАРШ НА ХАЛХУТУ

Третий день, делая лишь короткие привалы, шагают батальоны. Двигаются туда, где враг, — в широкую калмыцкую степь. Перед Халхутой марш был особенно изнурительным. Холодный ветер бросал в лицо перемешанную с песком снежную крупу. Серая, неприглядная, томящая человека степь уходила за горизонт. Что-то неведомое крылось за этой далью. Под порывами ветра таинственно посвистывал ковыль, будто поторапливая нас, а может, предупреждая о близком жестоком сражении. Попробуй узнай! Думалось о былинных русских богатырях, которые вот так, как и мы, шли Диким полем на битву с кочевниками. Шли либо победить, либо умереть со славой за свою родную землю.

Форсированный марш дает о себе знать. Усталый, я охотно принимаю предложение сержанта — сажусь на подводу, запряженную быками. Ездовой, пожилой уже боец, смотрит на мою винтовку, тяжело вздыхая, спрашивает:

— Снайперская?

— Да, — отвечаю.

— Это хорошо. Бить их надо умеючи, с понятием. Фашист — он коварный, хуже зверя.

Ездовой располагает к себе, хотя и не весел, то и дело вздыхает. Должно быть, нелегко на сердце у солдата перед боем! Хочется сказать ему что-то теплое, ласковое.

— На быках не с руки воевать, — замечаю сочувственно.

— Ничего, — откликается ездовой и даже шутит: — Телега развалится — дрова будут, бык свалится — мясо.

Я спрыгиваю с подводы, догоняю свою роту. Теперь шагается бодрее, легче. Вспоминается брат Григорий. Я часто думаю о нем. Как он погиб? Какой немец убил его? Доведется стрелять в фашиста — не промахнусь!

Уже на марше к нам прибыл Тимофей Селютин — только что призванный в армию политработник. Он заменил политрука, который заболел и лег в госпиталь, побыв в роте всего две недели. Селютин — человек образованный, начитанный. Он сумел сразу же завоевать авторитет у личного состава. Из его бесед на привалах мы узнавали о ходе боев под Сталинградом. У бойцов накопилась уйма вопросов, и политрук охотно на них отвечал. От Селютина мы узнали, что нам придется сражаться с 16-й немецкой моторизованной дивизией, имеющей звериную кличку «Бурый медведь»; этой кличкой окрестили сами себя солдаты дивизии — отпетые фашистские головорезы, — а командует ими гитлеровский генерал Шверин.

— Непорядок это,— с усмешкой заметил Спесивцев,— никогда в калмыцкой степи не водились медведи — ни бурые, ни белые. И вот на тебе, объявились. Придется их перебить.

— А эти похлеще, чем медведи в натуральном виде, — заметил один из красноармейцев. — Вооружены до зубов.

— Дадим по зубам, — ответил Спесивцев.

— Шире шаг! — раздалась команда.

И живее заколыхалась ротная колонна.

Изменчива погода в калмыцкой степи. Только что била в лицо колючая снежная крупа, а тут вдруг потепле-

ло, и снег падает хлопьями, хлюпает месиво под ногами. Не видать ни дороги, ни чабанской тропы.

— Далеко еще? — то и дело спрашивают притомившиеся бойцы.

— Далеко, — подтверждает командир роты лейтенант Туз, а сам мерит степь широченными шагами. Поглядишь на него — и завидно становится: словно всю жизнь ходил он, не зная устали, по бескрайним калмыцким степям.

— Фриц проклятый! — ругается минометчик Медведев, которому лоток с минами до боли натер плечи, и вдруг начинает декламировать Лермонтова. Стихи помогают забыться, подбадривают. Медведев читает что-то еще.

На очередном привале подъехал верховой —разведчик Ваня Гуров. Спрыгнув с коня, он невесело посмотрел на нас.

— Друзья, — заговорил Гуров, — тяжелую весть принес я. Политрука Зиновьева из сто пятьдесят второй бригады фашисты в Халхуте раненого захватили. Издевались над ним. Кинжалами, поганцы, кололи, а затем облили керосином и сожгли на глазах у бойцов.

— А куда же бойцы те глядели?

— Почему не спасли его?

— Они сами под дулами были, — ответил Гуров. — Раненые...

«Не зря и кличка у них звериная,— думал я о солдатах дивизии противника,— «Бурый медведь».

— Бить их надо как бешеных собак, — подытожил разговор минометчик Медведев. — Как у Константина Симонова в стихотворении сказано: «Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей!»

— Братцы, а слышали вы, — как бы стараясь подбодрить нас, сказал Гуров, — снайпер Милащус за один бой убил двадцать фрицев?

Мы с недоверием посмотрели на разведчика. За один бой 20 фашистов?

— Это какой Милащус? Из гвардейцев, что ли?

— Из сто пятьдесят второй бригады.

— Везет парню.

— Нам нечем похвалиться, — огорчился кто-то.

— Придет и наш черед, — ободрил бойцов политрук Селютин. — И на нашу долю фашиста хватит. Что касается Милащуса, так об этом в сегодняшней газете сообщается. Почитайте. — И он протянул армейскую газету «Красное знамя».

На привале я вслух читал о боевой удаче молодого снайпера Бориса Милащуса. Позже мне довелось встречаться с ним. Запомнился его рассказ о том, как он уничтожил вражеского офицера.

Дело было так. Фашисты наступали. Наши бойцы поднялись в контратаку. В тот момент Милащус заметил, как фашистский офицер направил автомат на командира советской роты. Не медля ни мгновения, Борис выстрелил. Фашистский офицер замер, выпустил из рук автомат и, сделав два-три шага, упал. В числе 20 фашистов, уничтоженных в этом бою комсомольцем Борисом Милащусом, было шесть офицеров...

К вечеру мы вступили в район степного поселка Халхута. Самого поселка не осталось — его сожгли фашисты. Пепелища еще дымились.

Местность вокруг полупесчаная, холмистая. Холмы исполосованы рубчатыми следами от танков. Солончаковым инеем покрылись траншеи, воронки от бомб и снарядов. Повсюду валялись ящики из-под снарядов и мин, мешочки с порохом, патроны немецкого производства, кое-где лежали неубранные трупы фашистов. Да, здесь прошли кровопролитные бои. Шверинские «бурые медведи» по-

пали на прицел советским стрелкам. Слева на возвышенности стоял подбитый танк. Смотрю на него в снайперский прицел. Чей танк: чужой или свой? Краска обгорела — не узнать.

Вдруг по рядам пронеслось:

— Танки! Фашистские танки!..

Оказывается, впереди нас завязался бой. Фашисты ломились напропалую, пытаясь вернуть утраченные позиции. Навстречу врагу выдвинулась 6-я гвардейская танковая бригада подполковника М. Н. Кричмана вместе с гвардейцами 34-й стрелковой дивизии, а с правого фланга ударила 248-я стрелковая дивизия полковника Л. Н. Алексеева. О боевой обстановке нас информировал политрук Тимофей Селютин.

159-й бригаде, находившейся во втором эшелоне, приказано было занять жесткую оборону. Мы рыли окопы в полный профиль. Земля гудела, тревожно вздрагивала от близких взрывов. В бинокль можно было разглядеть, как наши танки, маневрируя, ведут огонь.

— Зарывайтесь глубже,— напоминал лейтенант Туз,— иначе танк задавит траком.

Предутренний мороз сковал мокрый от дождя песчаный грунт, и копать было трудно. Саперных лопат не хватало. Мы работали попеременно, но непрерывно. Сбросили шинели, фуфайки. От бойцов валил пар. Не прошло и часа, а мы уже зарылись в землю. Гул боя то отдалялся, то приближался.

Смеркалось. Ветер задул еще сильнее. Смертельно уставшие, потные, теперь мы почувствовали озноб.

— Выдать каждому бойцу по сто граммов водки, — приказал Туз.

В жизни я никогда не употреблял спиртного. Да и когда его было употреблять? Только месяца три назад оторвался от школьной скамьи.

— Устал? — спрашивает Дронов.

— Еще бы, — отвечаю, — не видишь — мокрый, как суслик весной.

— Пей. Согреешься. Вот тебе еще и моя порция.

Отхожу в сторону, глотаю противную горькую жидкость. Запиваю солоноватой калмыцкой водой. Кашляю и не могу откашляться. Кляну всех, кто придумал эту отраву, с укором смотрю на Павлика.

Но самое страшное было потом. Стекла оптического прицела винтовки казались мне мутными. Я протирал их фланелькой, но это не помогало. И мне стало ясно: сказалось спиртное. Как же так, думаю, подвел командира, товарищей. И это в первом же бою. Я готов был провалиться от стыда. Спасибо, командир роты понял мое состояние, приказал идти в землянку и отдохнуть.

Наутро я узнал, что танковую контратаку фашистов отбили. А прорвись они к нам, — верно, первой же жертвой стал бы я, потерявший контроль над собой. Этот случай привел меня к выводу: снайперу нельзя пить и грамма спиртного, если он не хочет потерять качества сверхметкого стрелка.

⊙ В ОБОРОНЕ

Мы обжили свои окопы. Политрук ежедневно проводил политинформации о боях по уничтожению врага в сталинградском котле, увлеченно рассказывал о снайперах Василии Зайцеве, Анатолии Чехове, о подвигах бойцов на нашем участке фронта.

Меня особенно интересовали действия снайперов. В те дни добрая молва шла о снайпере 34-й гвардейской дивизии гвардии красноармейце Дмитрии Иосифовиче Чечикове. В боях под Халхутой он истребил 68 фашистов. Позже мы встретимся с Чечиковым на слете снайперов 28-й армии. Им окажется тот самый рослый гвардеец, который в степи под Астраханью, шагая в первой

шеренге своего батальона, приветливо махал нам рукой: «Эгей! Коллеги! Удачного выстрела вам!» На его приветствие мы тогда ответили: «Ни пуха ни пера!» И вот он преуспел.

Сибиряк Дмитрий Чечиков вырос в семье потомственного охотника. Увлекся стрелковым оружием. И теперь он без промаха вел огонь из засад по солдатам и офицерам противника. К концу 1942 года Чечиков стал одним из лучших снайперов Сталинградского, затем Южного фронтов.

На слете снайперов Дмитрий делился своим опытом истребления фашистов. И мы, новички, слушали его, затаив дыхание.

— Терпение для нашего брата — золото, — учил Чечиков. — Потеряешь выдержку — погубишь себя.

«Хорошо тебе, — думал я, — ты охотник с опытом, а каково нам?»

— Главное — терпение и выдержка, — еще раз подчеркнул Чечиков, словно прочитав мои мысли. И привел убедительный пример.

Это было под Халхутой. Ночью с разрешения командира Чечиков выбрался на нейтральную полосу и, затаившись, стал наблюдать. Целый день фашисты не выходили из блиндажей. Но Дмитрий терпеливо выжидал. Уже под вечер впереди что-то мелькнуло. Гитлеровец вытряхивал одеяло: то покажется из траншеи на секунду, то снова скроется. Улучив момент, Чечиков выстрелил. И, как обычно, не промахнулся.

В период наступления Чечиков не раз выручал своих товарищей. В одном из боев он вступил в поединок с пулеметчиками противника. Время от времени меняя позицию, Дмитрий полностью уничтожил вражеский пулеметный расчет, державший под обстрелом путь к высоте.

Снайпер умел стрелять метко не только из винтовки. Как-то вышел из строя наводчик станкового пулемета.

Оказавшись поблизости, Чечиков тут же занял его место и, подпустив противника на короткое расстояние, длинной очередью скосил первую цепь фашистских автоматчиков. Вторая цепь гитлеровцев начала отступать. Но и их достал метким огнем солдат-сибиряк. До сорока солдат и офицеров противника истребил в этом бою Чечиков.

«Стрелять, как Чечиков! Учиться убивать врага почечиковски!» — к этому призывала не раз армейская газета «Красное знамя». А вскоре на первой ее полосе мы увидели портрет снайпера гвардии красноармейца Дмитрия Чечикова.

Слава шла и о другом снайпере-коммунисте гвардии сержанте Николае Носове, уничтожившем в калмыцкой степи 75 фашистов. О его охоте на «бурых медведей» в печати публиковались статьи и очерки, которые с интересом читали не только снайперы. Кому в то время не хотелось стать метким стрелком!

Враг остервенело огрызался, но, понеся ощутимые потери, покатился через Утту к Яшкулю и Элисте. Была в этом какая-то заслуга и снайперов. Слава их продолжала расти, а боевой опыт передавался другим. Мы глубоко изучили специальный приказ командующего войсками фронта. В нем, в частности, говорилось: «...Опыт боев на фронтах Отечественной войны и в борьбе за Сталинград показывает и подтверждает весьма эффективное использование снайперов в бою. Неоднократно доказано, что в обороне и наступлении активно действующие снайперы-одиночки и снайперские группы наносили большие потери врагу» [1]. Выдержки из приказа можно было встретить в листовках, на страницах газет.

Снайперы нашей бригады также чувствовали внимание к себе. У нас были заведены так называемые лицевые счета снайперов. Их вручали на красноармейских собра-

[1] ЦАМО СССР, ф. 220, оп. 451, д. 5, л. 135—136.

пиях-летучках. На листе лицевого счета были приведены слова из обращения командующего войсками Сталинградского фронта генерал-полковника А. И. Еременко: «Каждый боец должен считать своей честью и гордостью как можно больше истребить фашистов огнем из винтовки, пулемета и автомата. Убил 10 — хорошо, убил 15 — отлично, убил 20 — герой, а снайперу удвоить эту норму».

Вскоре я и мои товарищи услышали имя снайпера У. Могойлова. Житель степи, он хорошо ориентировался на местности, стрелял без промаха, быстро увеличивая счет истребленных гитлеровцев. Газета «Красное знамя» опубликовала его статью под заголовком: «Будь невидимкой!» Номер этой газеты я спрятал в карман гимнастерки. Он и поныне хранится у меня.

«Я — молодой боец, — писал красноармеец У. Могойлов, — еще более молодой снайпер. За несколько дней «охоты» успел истребить 6 немцев. Помогла мне хорошая маскировка и умелый выбор позиции.

Я — калмык. Вырос в степи и знаю, как скрыться на ровной местности. Располагаюсь в небольшой траве, плотно прижимаюсь к земле. Удобно также вести огонь из небольшой ямки.

Однажды я за несколько часов убил трех гитлеровцев. Противник обозлился и, думая, что я сижу на склонах высоты, открыл бешеный огонь. А я в траве спокойно жду свою очередную цель!

Быть «невидимкой» — вот вывод, который я сделал для себя» [1].

На страницах газет стало встречаться имя снайпера Ивана Бабкина, который впоследствии стал одним из активных истребителей оккупантов.

Позднее, в марте — июле 1943 года, мы вместе с Могойловым и Бабкиным занимались снайперской охотой

---

[1] «Красное знамя», 11 апреля 1943 г.

на реке Миус. К сожалению, их дальнейшая судьба мне неизвестна.

Нам, снайперам, конечно, было приятно, что командиры, штабы, политорганы, фронтовая печать уделяли большое внимание воспитанию метких стрелков. В каждом номере газеты, как правило, печатались шапки-призывы: «Снайпер-мститель! Убей гитлеровца!», «Товарищи снайперы! Неустанно совершенствуйте свое боевое мастерство, увеличивайте счет истребленных фашистов!». Армейские поэты сочиняли стихи, посвященные снайперам. Через годы войны в нагрудном кармане гимнастерки пронес я номер газеты «Красное знамя» со стихотворением армейского поэта Якова Козловского «Снайпер». Позволю себе привести из него несколько строк:

Лежа ли стреляет или стоя,
Зоркий глаз его не подведет:
Первой пулей черное, пустое
Снайпер сердце ворога пробьет.

Он исполнен силой нашей мести,
Не уступит в твердости скале.
Если фриц попал на перекрестье,
Значит, фрицем меньше на земле...

Перу этого популярного среди солдат поэта принадлежит четверостишие, опубликованное в свое время в газете под моим портретом:

Снайпер косит немцев чисто,
Косит в спину, косит в лоб.
Что ни пуля — смерть фашисту,
Что ни пуля — фрицу гроб[1].

Политрук Селютин, страстно любивший поэзию, на привалах с пафосом декламировал нам стихи армейских поэтов. Особенно ему удавалось стихотворение К. М. Симонова «Убей его!».

---

[1] «Сталинское знамя», 20 марта 1943 г.

Мороз по коже пробирал каждого, кто слушал в те дни эти стихи. Они звучали для бойцов набатом. Декламировал политрук и стихи, которые мы никогда до этого не слыхали. Впоследствии выяснилось, что он сочинял их сам. Я тоже попробовал писать стихи. Помню, одно из стихотворений понравилось политруку. Вот последнее четверостишие из него:

Бойцы! Бейтесь без страха, бейтесь жестоко!
Вперед на врага! Страна нас зовет!
Умрем — так геройски, чтоб слава далеко
О нас прогремела. Вперед и вперед!

— Здесь, — говорил Селютин, — выражена главная идея времени — вперед и вперед. Сейчас нет ничего важнее, чем идти вперед. Бить врага беспощадно. Гнать его с нашей территории, не давая передышки.

Мой снайперский лицевой счет не был открыт. Я искренне завидовал снайперу-калмыку У. Могойлову.

«Вот, — думал я, — он убил уже шесть врагов, а я еще ни одного. Когда же наступит мой день?»

И он, этот день, вскоре наступил.

⊙ В ПРЕСЛЕДОВАНИИ

28-я армия продолжала наступать. 22 ноября 1942 года враг с боем оставил населенный пункт Утта, а 25 ноября — Олинг. К 2 часам ночи 26 ноября части армии перерезали дорогу Яшкуль — Элиста. Бои в калмыцкой степи ожесточились.

В начале декабря нашу бригаду перевели в первый эшелон. Ее ближайшей задачей стало: к исходу 1 января 1943 года выйти южнее Элисты, а затем наступать на Лолу.

Зима вступила в свои права. Сурова она в калмыцкой степи! Колючий ветер пронизывает насквозь, гонит над

землей снег, смешанный с песком и пылью. Гудит от мороза земля. Гудят от усталости ноги. А рядом то и дело раздается команда: «Шире шаг!»

Привалы коротки. Не успеешь как следует отдохнуть, как слышишь голос командира: «Шагом марш!» Поднимаешься, превозмогая страшную усталость. Надо непременно идти, чтобы не дать отступающему врагу оторваться.

Марши! Бесконечные марши! Мы идем, как нам объяснил политрук, тем самым путем, по которому с боями к Астрахани прорывалась измученная голодом и тифом 11-я армия в годы гражданской войны. Идем и идем!

Обессиленные непрерывными маршами, мы, конечно, уставали. Порой еле-еле передвигали ноги, с нетерпением ожидали команды «Привал!» и на привале засыпали мертвецким сном. Но, каким бы глубоким ни был сон, властная команда «Подъем!» пробуждала бойцов, и они снова становились в строй, чтобы идти дальше. И так изо дня в день, из ночи в ночь. Постелью на привале была земля, а подушкой — приклад винтовки или автомата.

Ветер уныло скулит в стволах винтовок и минометов. Он дует нам в лицо, набегает тугой морозной волной, словно задается целью свалить на землю движущиеся роты. Но роты упорно продвигаются вперед по бездорожью, по буграм и лощинам, мимо темных от пыли сугробов, подминая сухие и ломкие степные травы. Идут на врага!..

— Шире шаг!..

Яшкуль... Улан-Эрге... Впереди Элиста. Потяжелели солдатские вещевые мешки. А в них ни много ни мало — двести патронов, неприкосновенный запас продуктов, сменное белье, ботинки и обмотки к ним. Без этого нельзя воевать. А в пути и иголка тяжела. А еще винтовка или пулемет, гранаты: противотанковая да две ручные. Ого! Какую же ношу несет на себе боец-пехотинец?

Вездесущий Ваня Гуров сообщает, что встретился со знакомыми по разведке, которые рассказывали о боях 248-й стрелковой дивизии с 6-м румынским армейским корпусом.

Павлик Дронов кривит губы:

— Сам Антонеску небось зад греет на солнце, а своих солдат на смерть посылает.

— Привал!.. Привал!.. — проносится по колонне. Мы не садимся — падаем на землю.

Но вот силы восстановились, и минометчик Медведев затянул грустную песню:

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит...

И на серые задумчивые глаза бойца навернулись слезы. Чувствителен этот юноша Медведев. Его настроение передалось другим.

— Калмыцкая степь! Что в ней хорошего, в этой степи? — вздыхает Володя Спесивцев. — Мертвое поле.

— Верблюжья колючка, песок да бурьян, — добавляет Медведев. — Никакой жизни.

— Неверно это! — протестует боец-калмык Саранов, учитель из Элисты. — Сейчас — да. Мертвое поле. А весной! Все зеленеет... Алые тюльпаны... Цветы... Голова кружится от радости. Хороша калмыцкая степь весной! Хороша!

— Живности никакой, — не унимается Спесивцев.

— Неверно, — опять опровергает его Саранов, — а верблюды, а кони, а стада баранов?.. Разве это не живность?!

— А сайгаки? Забыл о сайгаках? — поддерживает Саранова политрук. Тимофей Селютин хорошо знает животный мир, природу и всегда с любовью говорит об этом.— Сайгаки в этой степи водятся. Быстры как стрелы. Осенью охотиться на них разрешено. Охотиться на сайга-

ков — одно удовольствие! Особенно лунной ночью. Глаза у этих антилоп горят, как звезды. А сайгаков, как и звезд, много. Вся степь в фосфорических огоньках, будто кто небо опрокинул. Он, сайгак, такой. Первым вожак бежит, а за ним все стадо сайгачье... А вкусно сайгачье мясо. Вкусно!

— Ну, убедили, — соглашается Володя Спесивцев.

— Побьем врага — приезжай в гости, — приглашает Саранов. — Хорошо отдохнешь. Здоровья наберешься. Рад будешь.

Дует ветер. Холодный, пронизывающий. Катит по земле сырые шары перекати-поля. А в воздух взлетает команда:

— Шагом марш!

Недалеко Элиста! Политрук Селютин знакомит нас с жизнью легендарных героев гражданской войны Ивана Кочубея и Оки Городовикова, сражавшихся в этих местах, рассказывает, что собой представляет столица Калмыкии Элиста, какие предстоят трудности при штурме ее.

Слышится вопрос:

— Говорят, в городе есть предатели?

— Возможно. В семье не без урода.

К разговору подключается боец Саранов, он с гневом рассказывает об одном предателе, которого фашисты назначили старостой.

— Этот тип в прошлом белогвардеец, заядлый враг! Руки его в людской крови...

— Вот бы поймать его, подлеца, живым, — слышатся голоса, — поймать и повесить!

Мы снова идем, полные ненависти к тем, кто предал интересы народа. Идем, позвякивая оружием. Идем — как сама кара врагам и предателям.

Лейтенант Туз использует меня как наблюдателя. То и дело получаю от него приказания: «Следить за тем-то

и тем-то», «Наблюдать в таком-то направлении». В сущности, становлюсь у него третьим глазом — веду наблюдение через оптический прицел. К этой роли я уже привык: докладываю обо всем замеченном впереди роты, не ожидая команды.

К вечеру 31 декабря бригада останавливается недалеко от южной окраины Элисты, охваченной огнем.

Вглядываюсь в зарево пожара. Слышу разговор:

— Жгут, гадюки! Наш город жгут!..

— А гвардейцы, говорят, уже в Элисте.

— И первый батальон нашей бригады там.

— Чего же мы ждем? У моря погоды, что ли? — возмущается рябоватый боец.

— Значит, так надо. Может быть, в этом стратегия скрыта.

Но вот подается команда:

— Шагом марш!

Бригада форсированным маршем пошла в обход, отрезая путь гитлеровцам от Элисты на запад. Передовые батальоны уже завязали перестрелку с отступающими частями противника.

В ночь под новый, 1943 год столица Калмыкии была освобождена от немецко-фашистских оккупантов. Командир и политрук об этом накоротке провели беседу, сообщили о потерях гитлеровцев и о захваченных трофеях. Мы ликовали...

Перестало существовать астраханское направление. Противник отброшен на сотни километров от Астрахани.

1 января 1943 года решением Ставки Верховного Главнокомандования Сталинградский фронт был переименован в Южный. 28-я армия вошла в его состав. Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своих воспоминаниях потом напишет: «Перед войсками Южного фронта стояла очень важная задача — разгромить противника в нижнем течении Дона, овладеть Батайском, Ростовом, Новочеркас-

ском с целью отрезать немецко-фашистские войска, находившиеся на Северном Кавказе (1-ю танковую и 17-ю германские армии). Это была большая задача» [1].

Перед нашей 28-й армией лежала территория Ростовской области. Нам предстояло освободить Батайск и Ростов-на-Дону.

А пока 159-й отдельной стрелковой бригаде было приказано форсировать Маныч и наступать на железнодорожный тупик — станцию Дивное.

Наш батальон по-прежнему шел вторым эшелоном. Бойцы залегли на снегу. Впереди Маныч. Его форсируют батальоны бригады, через наступающие цепи бьет тяжелая артиллерия. А над рекой висит густой туман, висит неподвижно, и кажется, его можно, как вату, потрогать руками. Меня охватывает волнение перед атакой. Разговаривать не хочется, и мы молча с тревогой всматриваемся в туманную даль. Что там? Прорвутся передовые подразделения через водную преграду или нет?

— Снайперу вести наблюдение! — напоминает лейтенант Туз, хотя я и без того не отрываюсь от окуляра. Смотрю и ничего не вижу. Лишь кое-где промелькнет расплывчатая фигура то ли нашего солдата, то ли вражеского.

Начинают поступать раненые. Тяжелораненых везут на подводах, остальные идут сами. На вопросы «Как там?», «Как с прорывом?» слышится один ответ:

— Тяжело!..

Настает и черед нашего батальона. И вдруг в морозном воздухе раздается:

— Прорвались!..

Вскоре следует команда:

— Шагом марш!..

---

[1] А. И. Еременко. Сталинград. Записки командующего фронтом. Воениздат. М., 1961, стр. 473.

Мы вскакиваем и дружно идем вперед. Вот он какой, Маныч! Широкая илистая, во многих местах не замерзшая гладь воды. Пахнет сероводородом. Вода взмучена взрывами снарядов, сапогами бойцов.

Бежим по камышовым матам на другой берег и мигом рассыпаемся в цепь. По приказу комбрига батальон выдвигается в первый эшелон. Теперь лицом к опасности идти нам.

Показались постройки станции Дивное. К тому времени поднялась метель. Ежась от холода, мы держим путь прямо на вокзал. Но и враг не дремлет. Начала бить шрапнелью его артиллерия.

— Рассредоточиться! — поступает команда.

В трех — пяти метрах вижу Павлика Дропова и Володю Спесивцева. Настегивая коня, куда-то скачет Ваня Гуров. Он не замечает нас.

— В случае чего, — кричит мне Павлик, — перевяжешь! — И показывает индивидуальный пакет. Почти рядом с ним вскидывается земля от взрыва мины. Мы падаем в снег. К счастью, все целы и невредимы.

— Не останавливаться! — командует Туз.— Снайпер, взберись на крышу вон того амбара, посмотри, что там, впереди.

Вырываюсь вперед и с крыши веду наблюдение, а когда цепь подошла к амбару, докладываю:

— Немцы бегут! Вижу их обоз... Справа наши. Много бойцов!

Туз машет рукой:

— Слезай!..

Через каких-то десять — пятнадцать минут бойцы батальона с криками «ура!» бросились к вокзалу и вскоре скрылись в заснеженных улицах. Фашисты, не принимая боя, отступили.

На ночлег останавливаемся на станции Дивное — первом на нашем пути населенном пункте, не разрушенном фашистами.

⊙ ВЕТЕР В ЛИЦО

21 января 1943 года был освобожден последний километр калмыцкой земли. Батальоны вышли на сальские просторы.

И опять степи... Обширные, ровные. Но и здесь видны приметы войны: воронки от бомб и снарядов, обрывки колючей проволоки, каски и патроны. Кое-где валяются трупы гитлеровцев.

Мое детство прошло в степном краю. И степь всегда рождала во мне высокие чувства. Но сейчас, когда тянуло пороховой гарью, степь казалась угрюмой и холодной.

Политрук Селютин всегда с нами. Он идет то с одним взводом, то с другим, подбадривает словом, помогает отстающим. Сам он, казалось, не знает устали.

Мы идем завьюженной степью. Сквозь снег проступают частые кустики полыни-чернобыльника. И глазам моим живо представилась та полынная степь, где прошло детство...

28 января... Батальон находится в головной походной заставе. Кругом тишина. Но вот нас обгоняет пулеметная тачанка. На ней Сема Марчуков, припавший к пулемету. Рядом Ваня Гуров, с красным от холода лицом. У него бравый вид. Завидев меня, он машет рукой:

— Разведпривет!

— Удачи вам, друзья! — кричу я в ответ.

Рукавом прикрываю лицо от жгучего ветра со снегом. Но мороз жжет нос, щеки. Стараюсь отвлечься, думаю о доме, о школе.

Под вечер разведка доложила: в небольшом хуторе Кагальничек засели фашисты.

— Выбьем фрицев — погреемся, отдохнем, — мечтательно говорит сосед справа.

— Приготовиться к атаке! — звучит команда.

Кагальничек мы атакуем по всем правилам Боевого устава. Роты развернулись в цепь слаженно и быстро. Минометчики, задача которых — поддержать нас, открывают огонь, и мы дружно бросаемся на врага. Тенькают пули, вздымая фонтанчики снега и мерзлой земли. Кто-то падает, кто-то вскрикивает. Но командир роты лейтенант Туз подбадривает нас:

— Не робеть! Вперед!

Павлик Дронов вырывается вперед и на бегу стреляет из винтовки. Он целится во вражеских пулеметчиков, засевших на чердаке дома. Прицельным огнем туда же бьет из «максима» Сема Марчуков. Фашистский пулемет захлебнулся. Но с чердака крайнего дома строчит еще один пулемет.

— Снайпер! — стараясь перекричать шум боя, приказывает мне Туз. — Ориентир — крайний дом слева. Уничтожить пулемет!

Падаю на копну прелой соломы. Быстро прицеливаюсь и уже никого не слышу и ничего не вижу, кроме пулемета на чердаке. Стреляю раз, другой... Пулемет замолчал. Я посылаю в черный провал чердака еще три пули. Так будет вернее!

— Впер-ред! — торопит бойцов Туз.

Задыхаясь, бежим. Что есть мочи кричим «ура!».

Гитлеровцы отступили, а подожженный ими Кагальничек горел. Мы сошлись у пепелища: Ваня, Павлик, Сема и я. В бою Сема, как он выразился, расстрелял гору пулеметных лент и теперь сетовал:

— Придется набивать...

Мороз крепчал, а снаряжать пулеметные ленты на холоде не просто. Деревенеют пальцы.

Павлик развязывает вещевой мешок, достает кусок са-

ла, не торопясь, кинжалом отрезает четыре толстых ломтя.

Поев, мы повеселели, послышались шутки. В то время излюбленной темой солдатского юмора была судьба Гитлера. Какую казнь ему придумать, когда мы победим? Тут фантазия била через край. Смех, шутки обогрели нас. И вот Ваня Гуров, откинувшись на вещмешок, затянул:

Ой да кони ржут, а пики блещут,
Казаки в поход идут...

Притихли бойцы роты, вслушиваясь в удалую песню. Незаметно подкралась ночь. Ее мы провели на пепелище, а утром снова сборы в поход. Но тут произошло событие, которое всех нас потрясло.

У обгорелого плетня бойцы роты обнаружили тела истерзанных красноармейцев. Это была жуткая картина. У одного красноармейца отрублена голова, отрублена каким-то тупым орудием, глаза вдавлены, очевидно, каблуком кованого сапога; у второго на теле тоже следы пыток, а в животе — кол из плетня.

И тогда в круг собравшихся вышел политрук Селютин.

— Вот смотрите, что сделали фашисты с красноармейцами, — гневно произнес он, — они их пытали, истязали, мучали! Звери! Палачи! Отомстим же фашистам за гибель боевых друзей!

Это было сказано как-то по-особенному проникновенно — более сильного воздействия на психику бойца и не придумаешь.

«Короткий с фашистом разговор: пулю в лоб — и точка», — так думал я, так думали и мои товарищи по роте. И все мы дружно ответили:

— Отомстим!

Есть на ростовской земле хуторок Безводный. Для кого он просто хуторок, а для нас... Но расскажу все так, как это мне запомнилось.

...Дует поземка. Наш батальон движется в колонне. На подходе к хутору вдруг раздаются тревожные крики:

— Танки! Танки!

Батальон тут же развертывается к бою. Мы ложимся на пригорке. В открытой степи видно все как на ладони. Мерзлая земля словно камень. Не окопаться.

— Где танки? — волнуются бойцы. Но вот нарастает шум, и мы видим их. Насчитываем одиннадцать машин.

Вначале немецкие танки идут гуськом от хутора по балке, а затем развертываются по фронту и медленно ползут прямо на нас. Они окрашены в белый цвет. За танками цепи автоматчиков.

Появляется на коне комбат капитан А. С. Кулакаев.

— Ни шагу назад! — бросает он на скаку. — Стоять насмерть!

Комбат не успевает вернуться на КП, как гитлеровцы открывают огонь из пулеметов и Кулакаев вместе с лошадью падает на землю.

Артиллеристы, сопровождающие нас, устанавливают орудия на прямую наводку.

— Огонь! — командует сержант.

Метрах в десяти от переднего танка взлетают комья мерзлой земли. Но второй выстрел пушка сделать не успевает. Ее разносит взрывом вражеского снаряда. В расчете были мои сверстники из станицы Етеревской.

Мы плотнее прижимаемся к земле, готовые стоять насмерть, как приказал комбат. Теперь рев моторов, разрывы снарядов и винтовочные залпы, крики и команды — все сливается в сплошной гул. Впереди батальона вместе с четвертой ротой бьются с врагом разведчики. Я вижу Ваню Гурова. Он стреляет из автомата по бегущим за танками фашистам. Вот танки приближаются к развед-

чикам вплотную. Сейчас начнут утюжить. Ваня Гуров бросает гранату. Она взрывается под гусеницами. Танк на мгновение замирает. Затем снова движется на нас. Сержант Виктор Штреккер кидает в него бутылку с горючей смесью. Танк загорается, но сам сержант падает, скошенный пулеметной очередью.

Позже я узнал о подвиге политрука разведвзвода Черноиванникова. Дело было так. Навстречу вражескому танку ползли несколько бойцов. Красноармеец казах Урумбеков метнул гранату под танк, но тот продолжал двигаться. Тогда с земли в полный рост поднялся Черноиванников. Он с разбегу легко вскочил на танк и начал бить кованым прикладом по стволу пулемета, изрыгающему смертоносный огонь. Пулемет замолчал.

Подвиг политрука вдохновил людей. Теперь с гранатами в руках к танкам поползли многие бойцы. Среди них был и лейтенант Николай Коробков — командир разведвзвода, в котором служил Ваня Гуров. Лейтенанту, однако, не повезло: пулеметной очередью ему изранило ноги. Но лейтенант не пал духом. Кинув гранату в танк, Николай Коробков собрал последние силы и, сидя на снегу, запел песню о «Варяге». Над полем боя гремел его голос:

Наверх вы, товарищи, все по местам.
Последний парад наступает...

Я стреляю из «снайперки» по смотровым щелям, стараясь ослепить танкистов. Рядом Павлик Дронов. Он ведет огонь из обычной винтовки. Танк, по которому мы бьем, вдруг устремляется в нашу сторону. Между Павликом и мной всплескивается пламя огня. Грохочет взрыв. И тут же наступает тишина. Только в голове стоит тугой, как от полета шмеля, звук. Ощупываю себя: цел! Смотрю вправо. Навстречу танку ползет политрук роты

Селютин с зажатой в руке гранатой. Кровь заливает ему лицо.

— Нагните голову! — кричу и не слышу своего голоса. Неужто оглох? Совсем рядом с Селютиным рвется снаряд... Эх, товарищ политрук!

А Павлик? Где он? Дронов лежит у воронки. Под ним на снегу растет красное пятно. Он что-то говорит. Но я по-прежнему ничего не слышу. Догадываюсь: Павлик просит о помощи.

А танк — вот он, рядом. Идет на меня. Спружинившись для прыжка, жду. И вдруг кубарем качусь в сторону, меня обдает снегом. Танк, взревев мотором, рывком устремляется к станковым пулеметам. Туда, где Сема Марчуков. Эх, жаль, израсходовал все гранаты...

Павлик пытается отползти в лощину. Подбегаю к нему. Оставлять друга нельзя: раздавят танки. Нас опрокидывает взрывом. Но мы живы. Тащу друга по земле волоком. Впереди вижу санитаров...

Танковую атаку помог отразить третий батальон старшего лейтенанта Г. К. Мадояна. В том бою смертью храбрых пали многие бойцы. Погиб и политрук Тимофей Селютин, которого мы считали своим вторым отцом, и ротный запевала красноармеец Савченко.

Вот и все, что я хотел рассказать о хуторке Безводном. На всю жизнь запомнился нам этот степной клочок ростовской земли!

Лейтенант Туз похвалил меня за спасение друга и тут же отчитал: я не догадался взять у Дронова список личного состава роты.

Чуть позже выяснилось, что в сальских степях наши части вели бои не только с «Бурым медведем», но и с 23-й танковой дивизией и с пришедшей к ней на помощь мотодивизией СС «Викинг».

— Викингами называли древнескандинавских морских разбойников, — сказал я.

— Эсэсовцы хуже любых разбойников, — отозвалось сразу несколько голосов.

Мы брезгливо говорили о викингах. В те дни нам особенно не хватало политрука. Уж Тимофей-то Селютин разъяснил бы нам, что собой представляет мотодивизия СС «Викинг», и наверняка сказал бы:

— Били «бурых медведей», будем бить и «викингов».

И опять марш!.. Стрелки двигались рота за ротой, то рассыпаясь по степи для атаки, то вновь смыкаясь в колонны.

На Зерноград наступали всей бригадой в тесном взаимодействии с 34-й гвардейской стрелковой дивизией и 6-й гвардейской танковой бригадой. Враг отчаянно сопротивлялся, бросался в контратаки.

30 января под городом произошел встречный бой. На нас налетели «юнкерсы». Появились фашистские танки, бронемашины. Показалась пехота. Подошедшая артиллерия нашей бригады открыла ураганный огонь. Под его прикрытием мы бросились в атаку. Ничто не могло остановить нас. И фашисты откатились назад. Наши войска освободили Зерноград.

Подскакал разведчик Ваня Гуров, осадил разгоряченного коня:

— Старшего лейтенанта Рожкова убило!

— Кто такой Рожков?

Ваня обиделся:

— Не знаете? Эх вы! Александр Рожков — командир разведроты бригады.

И Ваня, стегнув коня плетью, ускакал.

Мы почтили память товарищей, погибших в бою за Зерноград.

Утром 3 февраля пришло сообщение, что наши войска разгромили вражескую группировку под Сталинградом. И поныне мне видятся возбужденные лица бойцов, слышатся их торжествующие возгласы:

— Ура сталинградцам!..

— Будем сражаться по-сталинградски!

⊙ БАТАЛЬОНЫ ШТУРМУЮТ РОСТОВ

Гитлеровцы предприняли отчаянные попытки остановить продвижение 28-й армии в направлении Ростова. Они больше всего боялись, что советские войска отрежут их кавказскую группировку, устроят ей второй Сталинград.

Напряжение боев возрастало. 5 февраля наша 159-я бригада вплотную подошла к Батайску. Мы начали готовиться к штурму города. Справа от нас 34-я гвардейская, слева — 248-я стрелковая дивизии, поддерживаемые 6-й гвардейской танковой бригадой.

В ночь на 7 февраля разведчики нашей бригады, возглавляемые лейтенантом Л. М. Бухом, проникли в оборону противника. Они разведали слабо защищенные участки и установили, что гитлеровцы, спасаясь от морозов, оставляли ночью на передовой лишь боевые охранения. Основные силы они отводили в Батайск. Вьюжной полночью наши войска внезапно атаковали врага. Завязались жестокие схватки на улицах. Застигнутые врасплох, фашисты в панике покидали город.

Пленные, захваченные нашими разведчиками, утверждали, что знали о продвижении 28-й армии, но не могли подумать, что наступление будет таким стремительным, да еще в такую «проклятую» вьюжную ночь. «Нихтваршейнлих!» (Невероятно!) — твердили они.

В эту зимнюю ночь под Ростовом только бойцы 159-й отдельной стрелковой бригады истребили свыше тысячи фашистов. Много гитлеровцев было захвачено в плен.

Старший сержант Александр Украинский со своим отделением пленил 80 немецких солдат.

Богатые трофеи были взяты в вагонах и на платформах Батайского железнодорожного узла. Эшелон с танками и два эшелона с новыми автомобилями стояли в тупиках. Успешный бой за Батайск буквально окрылил наших бойцов и командиров. У всех приподнятое настроение. Бьем врага!

8 февраля 1943 года в 2.00 наша бригада вместе с другими соединениями заняла исходные позиции для наступления на Ростов. До нас довели приказ командующего 28-й армией: «Атаковать противника на правом берегу реки Дон. Ближайшая задача: очистить от противника привокзальный район, занять вокзал» [1]. На вокзал были нацелены подразделения нашей бригады. В случае успеха второму батальону предстояло развивать наступление по улице Энгельса, в сторону Буденновского проспекта.

«В городе у снайпера работы будет невпроворот» — так говорил лейтенант Туз. Поэтому я готовился к бою особенно тщательно. Каков он, бой в городе? До сего времени снайперам приходилось «охотиться» в степи, на открытой местности. А здесь кругом укрытия, не так-то легко отыскать нужную цель.

Разведчики бесшумно снимают дозорных, и мы без стрельбы переходим Дон. Бойцы других подразделений бегут по железнодорожному полотну к вокзалу. Там уже слышится стрельба. Наша четвертая рота круто сворачивает к улице Энгельса. Поднимаемся по каменной мостовой. Навстречу мчится мотоцикл. По нему почти в упор стреляет Спесивцев, строчит из своего «дегтяря» пулеметчик Крестьянников. Мотоцикл переворачивается и летит кувырком к подъезду каменного дома. Из соседнего здания бойцы второго взвода выволакивают худого и

---

[1] ЦАМО СССР, ф. 382, оп. 8465, д. 51, л. 245.

длинного как жердь немца. Лейтенант Туз спрашивает (он отлично владеет немецким языком), кто он, и переводит:

— Мотострелок шестнадцатой немецкой мотодивизии. Кстати, ваш одногодок, — замечает Туз, обращаясь ко мне и Спесивцеву.

Мы смотрим на пленного с презрением.

— «Медведь», значит, — плюется Володя.— Проснись, фашистская морда! — И потрясает кулаком перед его заспанным лицом.

— Ну-ну, осторожнее, с пленными не воюют, — вмешивается Туз.

Нас окружают ростовчане. На их лицах ликование, на глазах слезы.

— Освободители наши! Родные! Наконец-то! — слышатся голоса.

— Машина! Немецкая машина!

Показался грузовик, крытый брезентом. Спесивцев целится в водителя и убивает его. Сидевший рядом офицер успевает выскочить из кабины, но тут же падает, скошенный автоматной очередью Туза. Из кузова выпрыгивают немецкие солдаты, и их постигает такая же участь.

Окрыленные первой удачей, продвигаемся дальше. Но вот раздаются тревожные крики:

— Танки! Танки!

— Пронюхали, гады! — ругается Туз.

Он отдает приказание Спесивцеву подняться на верхний этаж дома и выяснить, сколько у противника танков. Буквально через минуту слышится голос Спесивцева:

— Четыре! Позади танков автомашины!

Вскоре один из танков останавливается у дома, из окна которого ведет наблюдение снайпер Спесивцев, и мы теряем с ним связь. Отстреливаясь, отходим в сторону вокзала.

Один из танков, клацая гусеницами, выползает на середину улицы, где стоит разбитая нами немецкая машина. За танком видны автоматчики. Мы отходим к Доломановскому переулку. И опять тревожное предупреждение:

— Танки!

— В укрытие! — приказывает лейтенант Туз.

Мы занимаем угловой дом. В нем уже находятся несколько бойцов. Среди них невысокий плечистый командир с волевыми чертами лица. Одет он в белый полушубок. На ремне пистолет и две гранаты. Это, как сообщает Туз, наш новый комбат — старший лейтенант Орешкин.

А с улицы доносится частая стрельба. Наш дом окружают фашисты. Что ж, придется драться до конца. Мы не одни. К нам присоединилась группа бойцов во главе с лейтенантом В. Г. Маноцковым, отрезанная от вокзала, где сосредоточились основные подразделения бригады. Нас примерно человек пятьдесят.

Комбат организует круговую оборону. Перед каждым ставит определенную задачу. Мое место возле углового окна. Маскируюсь первым попавшимся предметом — венским стулом, выставленным на подоконник. Веду наблюдение. Через оптический прицел хорошо просматриваются ближние улицы, железнодорожное полотно, дом на пригорке. Отличная позиция для снайпера! Из-за вагонов выбегает группа гитлеровцев. Впереди, судя по всему, офицер. На нем высокая фуражка, на груди бинокль. Нажимаю на спусковой крючок — гремит выстрел. Фашист роняет парабеллум и ударяется головой о землю. По опыту знаю, что солдаты попытаются унести труп офицера. Так и есть: гитлеровец ползет к убитому. И снова гремит выстрел. Справа кто-то бежит, укутанный в клетчатую шаль. Не женщина ли? Всматриваюсь и замечаю дуло автомата.

«Мародер», — решаю я и тут же стреляю.

— Молодец! — слышу над головой голос комбата. — Только ищи цели поважнее.

Я воодушевлен словами комбата, польщен его вниманием. «Снайпер в бою — мощь, сила!» — невольно припоминаю слова школьного военрука. Теперь солдаты противника действуют осторожнее, прижимаются к земле. Поднять их в атаку офицерам нелегко.

Из-за цементной ограды высовывает голову и плечи гитлеровец. В полушубке. Значит, офицер.

— Сдаемся! — кричит он по-русски.

«Если сдаются, почему другие держат автоматы наготове?» — мелькнула у меня мысль.

— Они не знают, где мы, — говорит комбат, — хотят нас обнаружить. Стреляй же, стреляй!

Навожу перекрестье прицела на цель. Плавно спускаю курок. И гитлеровский офицер беспомощно взмахивает руками...

Выстрелы слышались все реже. У нас кончались патроны. В магазине моей винтовки пусто. С тревогой докладываю об этом лейтенанту.

На мгновение Туз задумывается.

— Товарищ боец, — обращается он к пулеметчику Завалишину.— У вас в диске осталось с десяток патронов. Отдайте их снайперу.

— Что?! — бледнея, произносит пулеметчик.— Не дам! Чем я буду стрелять?!

Глаза пулеметчика воспалены, взгляд решительный. Понимаю, как дорог бойцу каждый патрон.

— Не дам,— повторяет Завалишин, — берите все, товарищ командир, шинель, валенки... а патроны...

— Снайперу они нужнее, — произносит лейтенант тоном, не допускающим возражений.

Боец разряжает диск, подает патрон, другой... Подает их по одному с таким видом, будто во время голода отрывает от себя последний кусочек хлеба.

Патронов насчитываем одиннадцать. Как жаль, что их мало!

Шагах в пятидесяти лежит, спрятавшись за водосточную трубу, фашист. Я вижу его ноги, обутые в сапоги. Он бьет каблуком о каблук — видно, хочет согреться. А у меня зудят руки — прострелить бы ему пятки! Не ходи по чужой земле, оккупант! Но усилием воли заставляю себя перевести оптический прицел влево: в огромной воронке — группа гитлеровцев. Они озираются вокруг. Я рассматриваю каждого... Увы, и тут нет ни одного офицера. Цели не самые важные. Подожду. Впрочем, если кто из солдат вздумает подняться, патрон и на него придется израсходовать.

Раздается взрыв. Это с тыльной стороны в наш дом стреляет фашистский танк. Сквозь облако пыли вижу распластавшегося на полу бойца. Осколком у него разворочен живот. Комбат Алексей Максимович Орешкин осторожно накрывает его полушубком. Умный у нас командир! Я верю в него.

Лейтенант Туз, пристроившись на верху разрушенной стены, стреляет из автомата короткими очередями. Чердак дома горит. Вот лейтенант сбегает вниз, отыскивает меня:

— Добей негодяя... Автомат заело.

Оказывается, один из гитлеровцев пробирался вдоль улицы, подталкивая впереди себя женщину. Лейтенант ранил его. Но тот, раненный, пополз к подвальчику соседнего дома, рассчитывая там укрыться. Мой выстрел прикончил изувера.

Кольцо окружения сжималось плотнее. Противник понял, что у нас иссякли патроны, и начал действовать смелее. Из-за поворота, с улицы Энгельса, показывается танк. Он останавливается напротив нашего дома. К танку бегут, выбравшись из укрытий, гитлеровцы. Они

стучат прикладами автоматов по броне, что-то кричат, указывая в нашу сторону.

Мы с тревогой наблюдаем. Ведь достаточно двух-трех выстрелов из танка — и мы окажемся под обломками здания. И действительно, танк не спеша начинает разворачивать башню. Сейчас грохнет выстрел. Но что это? Открывается люк и из него высовывается голова танкиста. Он что-то спрашивает у солдат.

— Снайпер! — шепчет подошедший ко мне комбат.— Уничтожь его.

Прижимаюсь к прикладу, стреляю. Гитлеровец повисает на краю люка.

Комбат трясет меня за плечо:

— Так держать!

Тем временем танк делает резкий поворот. С какой же целью? Чтобы занять более выгодную позицию для стрельбы? Но машина разворачивается на 180 градусов и покидает улицу. Мы недоумеваем: неужели иссякли боеприпасы в танке? Или его экипаж, понеся потери, оказался деморализованным? Так или иначе, танк исчез. А без его поддержки гитлеровские солдаты не отважились штурмовать наш дом. Они тоже ушли в сторону вокзала, откуда доносился грохот боя.

Наступил вечер, а потом и ночь. Во дворе дома собрались командиры. Они советовались, каким путем выходить из окружения. Конечно, прямой смысл пробиваться к вокзалу, где ведут бой основные силы бригады. Но противник, по данным разведки, имеет на этом направлении плотные боевые порядки. У нас же нет самого необходимого — патронов.

— Как только луна скроется, — объявил нам комбат, — будем пробиваться в сторону Батайска.

Лейтенант Маноцков дает последние указания: он возглавляет ударную группу.

В четвертом часу ночи мы выходим из дома. В головном дозоре — лейтенант Лущенков, сержанты Павлюков, Кошеваров и я. Лущенков — ростовчанин. Где-то в метрах четырехстах — его родной дом. Места лейтенанту знакомы, и он уверенно шагает во тьме. Глухими переулками и пустырями пробираемся в направлении железнодорожного моста. До Дона остается идти немного. Но на его берегу должны быть немцы. Осторожности ради ползем.

Поскрипывает под локтями снег. Раньше, гуляя зимними вечерами по родной станице, я любил скрип снега. Сейчас же ненавижу его.

— Скоро мост,— полушепотом говорит Лущенков,— спустимся вниз и по льду перейдем Дон.

Подходит комбат. Сгрудившись, мы молча с чувством тревоги глядим на арки железнодорожного моста. Прорвемся или нет?

— Хальт! — слышится справа.

— За мной! — командует старший лейтенант Алексей Орешкин и первым прыгает с обрыва под мост.

Я проваливаюсь в полынью. Едва вылезаю, опираясь о лед винтовкой. Затем бегу, прижимая к груди «снайперку» — она и тут мне подмога! Но вот бьет вражеский пулемет. Я на бегу отгибаю ушки последней лимонки, зубами срываю кольцо и бросаю гранату туда, где вспыхивает огонь пулемета. Раздается взрыв. Но пулемет снова строчит. Или это второй? Ненароком замечаю, как по пулемету расстреливает из автомата последние патроны лейтенант Туз. Я опять проваливаюсь в полынью. Нервное возбуждение придает силы. Хотя и с трудом, но выбираюсь на лед. Берег!

Путь преграждают проволочные заграждения на сваренных рельсах. Пробую одолеть с ходу. Прыгаю и застреваю в проклятых колючках. С яростью дергаю руками, ногами.

— Помогите! — кричу изо всех сил.

Подбегает лейтенант Туз. Он снимает с себя полушубок и, бросив его на проволоку, перекатывается на другую сторону.

— Товарищ лейтенант...

Совсем рядом хлопают разрывные пули. В небо взлетают осветительные ракеты, рисуя на снегу страшно уродливые тени. Все ближе слышатся крики фашистов.

— Держись, снайпер! — слышу над собой голос командира. Высокий и сильный, Туз берет меня за воротник шинели и так дергает к себе, что мы оба кубарем летим в снег.

— За мной!

В душе я ликовал. Куда девался страх? На смену ему пришло другое, более сильное чувство — желание отблагодарить лейтенанта: «И я готов спасти тебя, командир!»

Мы перебрались через насыпь железнодорожного полотна и скрылись в камышах.

На окраине Батайска отыскали свой обоз. Нас сытно накормили, проводили на отдых в жилой дом. Заснул я крепко-крепко, укрывшись с головой шинелью. И хотя говорят, что уставший человек спит без сновидений, мне снился сон: фашисты продолжали лезть на обороняемый нами дом, а я стрелял в них, не испытывая ни страха, ни жалости.

Просыпаюсь от легкого стука в дверь. Приподнимаю шинель и вижу: в дверях стоят три пожилых бойца. Узнаю среди них угрюмого ездового, с которым ехал на быках вблизи Халхуты. Лейтенант Туз сидит за столом и бреется.

— Тут, что ли, снайпер? — спросил ездовой.

— Тут. Спит еще.

— Правда, что парень в Ростове много фрицев побил?

— Правда. Шестнадцать!

— Молодец какой! Ну нехай спит. А это от нас подарок, — говорит тот же ездовой и кладет сверток на стол.

Едва закрылась дверь, беру со стола сверток, разворачиваю. В нем маскировочный халат, кусок сала, хлеб, кисет с махоркой и зажигалка.

— Хорош подарок, — улыбается Туз.

И хотя я некурящий, кисет с махоркой и зажигалку принимаю с особой благодарностью. Знаю, что на фронте это самая, пожалуй, дорогая вещь. И если ее дарят, значит, высоко ценят ратный труд.

⊙ НА ОКРАИНЕ РОСТОВА

Позавтракав, мы приводим в порядок оружие. Укладываем боеприпасы. Ведь сидеть сложа руки не придется. Как только пополнимся людьми, снова будем пробиваться в Ростов на помощь батальону Г. К. Мадояна, зацепившемуся за вокзал. Словно угадав мои мысли, в комнату вошел офицер из штаба бригады (штаб находился где-то рядом) и сообщил:

— Снайпер Беляков выделяется в охрану комбрига.

Командир бригады хотел прорваться вместе с разведгруппой в горящий Ростов и разобраться там в обстановке, связаться с батальоном Мадояна.

— Вернешься с задания — явишься ко мне, — ревниво напутствовал меня Туз. — Снайперу есть дело и в роте.

С наступлением сумерек ползем через Дон. Слева на льду что-то чернеет. Что это? Оружие держим наготове. Нас немного — человек двадцать. С нами комбриг Булгаков. С секунды на секунду ждем схватки с врагом. Знаю, что эта схватка будет нелегкой. Но, к удивлению, Дон переползаем без единого выстрела. Бесшумно пробираемся по одной из улиц в сторону Верхне-Гниловской. Идущих впереди бойцов грозным шепотом окликают:

— Стой! Кто идет?

— Свои! Свои! — торопливо, тоже полушепотом отвечают бойцы.

Оказывается, мы натолкнулись на штаб батальона 248-й стрелковой дивизии. Здесь мы узнали, что здание вокзала занято фашистами. Батальон же Мадояна вместе с другими подразделениями перебрался в цех паровозоремонтного завода и ведет там бой.

За стеной соседнего дома раздается резкая автоматная очередь. Воспринимаю ее почему-то как лай злой собаки из подворотни.

— Немцы тут, совсем близко, — шепчет мне незнакомый боец. — Не зевай!

Разведчики уползли, чтобы установить контакт с Мадояном. Мы ждали их, дежуря по углам дома. Но вот вернулись разведчики. Они подтвердили, что батальон Мадояна продолжает сражаться, но ему нужна помощь.

Мы начали отход. Под трамвайным мостиком пришлось задержаться: по путям шли патрули. Бесшумно вгоняю патрон в патронник, ощупываю гранату. Мы замираем: слышно, как журчит вода незамерзшего ручейка. Патрульные гитлеровцы тяжело переступают по мостику и, надо полагать, с опаской глядят под мост. Но вот шаги удаляются. Мы спускаемся к Дону, ползем по льду, огибая полыньи. Справа, метрах в двухстах, вспыхивает ракета, но мы остаемся незамеченными.

Рассвет нас застает уже на берегу. А в Ростове зловеще бухают взрывы, полыхают пожары. Немцы подрывают здания.

Меня и трех разведчиков комбриг оставил на берегу.

— Увидите фрица — бейте, — сказал он мне. — А разведчикам следить за всем, что будет происходить на том берегу. Об изменениях докладывать в штаб.

Занимаю позицию у будки с черепом и перекрещенными костями. Жую сухарь, запиваю водой из фляги. Становится светло. На льду почти посередине реки вижу

разбитую повозку, у ее правого колеса валяется термос, ящик из-под патронов. Лошади лежат рядом, вскинув копыта. Самого ездового нет — сумел спастись. Так вот что чернело слева, когда мы ползли через Дон! Осматриваю в окуляр постройки на том берегу.

По трансформаторному щитку с нарисованным на нем черепом хлопает разрывная пуля. «Если стреляют по мне, значит, плохо стреляют. Если снайпер стреляет — совсем плохо», — размышляю я. Но действую строго по правилу: если тебя обнаружил вражеский стрелок и есть возможность сменить позицию, надо ее сменить. Отползаю в сторону метров на пятьдесят.

Опять внимательно наблюдаю за берегом. Фашисты там ходят в одиночку и группами. До них метров четыреста с лишним. Вот на открытом участке улицы появляется фашист. Кто он: офицер или солдат? Издали не разберешь. Затаив дыхание, прицеливаюсь, нажимаю на спусковой крючок. Фашист откидывается, словно напарывается на что-то острое, и падает как бы нехотя на землю. К убитому никто не ползет. Выходит, был рядовым. Но рядовой поднимает руку, пытается подняться и не может. Ранен, значит. Из-за дома выбегают санитары с носилками. Торопливо кладут на носилки раненого. Трусцой бегут обратно. Стрелять или не стрелять? Знаю, фашисты бомбят наши госпитали, санитарные поезда, истребляют раненых, убили моего брата. Но это фашисты, люди с бесчеловечной моралью, а я советский снайпер.

Веду перекрестье прицела за первым санитаром. Чувствую, что сражу его, как пить дать, а за ним и второго. Но... Вот ведь как на фронте бывает: человек на прицеле — и уходит живым. Опускаю винтовку и не жалею, что не выстрелил.

На возвышенном месте замечаю группу гитлеровцев. Рядом стоит танк. Он окрашен в белые полосы, к жалюзи прикреплен какой-то ящик. Люди в черном, видимо

танкисты, может быть и эсэсовцы. Тут я долго не раздумываю: тщательно выверяю расстояние, навожу перекрестье на крайнего, размахивающего рукой... Фашист всплеснул руками, будто на льду поскользнулся. Остальных как ветром сдуло.

— Силен снайпер, чисто сработал!

Это подползли разведчики. Один из них завороженно смотрит на дымящуюся гильзу, выброшенную в снег. О чем он думает?

— Заметил, снайпер, что фрицы куда-то за Гниловскую бегут? Не иначе — сматывают удочки.

— Может быть, и так. Только их еще много на пристани.

— Как начнут без толку палить, знай: отступают. По опыту говорю.

Из камышей начала бить артиллерия. Снаряды со свистом проносятся над головой и рвутся недалеко от танка. Артиллеристы, верно, тоже обнаружили эту цель. А слева от нас открыли огонь тяжелые орудия. Это казаки кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Н. Я. Кириченко форсируют Дон, чтобы перекрыть фашистам отход из Ростова. Гитлеровцы действительно стали вести себя странно. Одни открывают беспорядочный огонь, другие, как зайцы, петляя, бегут назад и скрываются за горкой.

Стреляю в спину зазевавшемуся фашисту, и тот остается лежать на снегу. Видно, гитлеровцам уже не до него. В стороне от Зеленого острова, за железнодорожным мостом, вспыхивает сильная перестрелка. А к полудню на том берегу уже никто не появляется.

Разведчики камышами уползли в штаб докладывать об обстановке.

14 февраля Ростов-на-Дону был освобожден. В город вошли войска нашей армии. С трудом нахожу уже по пути к Чалтырю свой второй батальон, которым теперь командует лейтенант Туз. Комбат Орешкин ранен в бою.

Отыскиваю Ваню Гурова и Сему Марчукова. Друзья поздравляют меня с успехом.

— Здорово ты их, — говорит Ваня Гуров, — шестнадцать эсэсовцев уничтожил. То-то, не ходи косогором — сапоги стопчешь, враг поганый!

От друзей узнаю, что снайпер Володя Спесивцев был тяжело ранен в Ростове и его с риском для жизни спасли местные жители.

Наш путь лежал в направлении Таганрога, Матвеева Кургана к неведомому Миус-фронту, о котором уже ходило немало разговоров.

⊙ НОВЫЙ КОМБРИГ

Началась распутица. Земля превратилась в непролазное месиво. Вязли машины, повозки. Несмотря ни на что, 28-я армия наступала. Фашистские войска сдавали позицию за позицией.

Освободив Матвеев Курган — крупный населенный пункт, на который фашисты возлагали особые надежды, наши части устремились к Анастасьевке. Завязались ожесточенные бои на миусском рубеже.

И Миус, давно молчавший Миус огласился ревом орудий...

Это было километрах в двадцати от Матвеева Кургана. В нашу роту приехала военврач Екатерина Ивановна Лаврова. Ей стало известно, что на повозке лежит боец, раненный в ногу. Лаврова решила тут же осмотреть раненого. За ней неотступно следовала медсестра, невысокая сероглазая девушка. Медиков в белых халатах бойцы заметили еще издали. Они спрятали раненого на дно повозки, прикрыв плащ-палаткой. Но военврача, как говорится, на мякине не проведешь. Кто-кто, а Лаврова знала, что раненые, не желая расставаться с товарищами, часто оставались «долечиваться» при своих ротах.

Подойдя к повозке, Екатерина Ивановна спросила:

— Где санинструктор?

— А зачем он вам? — хитро щуря глаза, ответил ездовой, круглолицый боец в полушубке. — Но! — крикнул он на лошадку и взмахнул кнутом.

— Стой! — скомандовала Лаврова. — Что под плащпалаткой?

— Да ничего особенного, — уклончиво доложил боец.

Лаврова, не дожидаясь ответа, сама сбросила плащпалатку. Под ней лежал боец с перевязанной ногой и смущенно кривил губы.

— Почему не в госпитале? Это же преступление! — повысила голос военврач.— У вас может начаться гангрена...

— Доктор, поймите, не хочу я терять товарищей. Увезут в санбат, оттуда в госпиталь — и прощай часть, а я с ней столько прошагал. Доктор, поймите... Родная мне ротушка моя...

— Хватит! — оборвала его Лаврова.— Сейчас же на стационарное лечение!

— Не могу я, доктор, бросить роту свою... Как вы этого не поймете? Рана-то у меня пустяковая... Кость цела.

Вокруг повозки собрались бойцы. Они с сочувствием смотрели на бойца и с неодобрением — на врача. Кое-кто пытался уговорить Лаврову. Но она была неумолима:

— Я доложу комбригу.

— Кому нужен комбриг? — раздался громкий голос сзади.

Все обернулись. Перед нами стоял невысокого роста чернявый офицер. У него живые карие глаза, прямой красивый нос. Это, как выяснилось, и был новый комбриг подполковник Михаил Ильич Дубровин. Мы привыкли к Булгакову, человеку уже почтенного возраста. (Его перевели на другую должность.) А тут совсем молодой человек...

— Видел? — шепчет мне на ухо старшина Тарасов. — Новый комбриг. Под Сталинградом воевал. У самого Еременко, говорят, служил. Обрати внимание на шинель сзади, видишь — дырки? Пулевые. Слышал я, немецкий снайпер в него стрелял.

— О чем вы это шепчетесь? — обратился к Тарасову комбриг. Но, заметив снайперскую винтовку, тут же спросил: — Снайпер?

— Так точно, товарищ подполковник!

— Фамилия?

Я представился.

— Слышал о вас, о вашей «охоте». Люблю снайперов. Только таких, которые поражают цель с первого выстрела. В меня вот три раза стреляли. А я, как видите, жив. Попугали, и только... Так что у вас за спор?— Подполковник посмотрел на Лаврову.

Военврач стала объяснять. Комбриг, слушая девушку, то суровел лицом, то глядел на нее с улыбкой. Затем он, прищуря глаза, спросил:

— А что, доктор, если в самом деле не вернется солдат в роту? Подумайте, ведь рота — его родной дом? А кто бежит из дома? Плохой семьянин. Не правда ли?

— Конечно, правда, — оживились бойцы.

— Но вопрос о том, где лечить бойца — в стационаре или при роте,— не моей компетенции. Это должен определить врач в зависимости от степени ранения. А теперь отправляйте раненого в стационар и лечите его. Как вылечится — ко мне. Я сам дам направление, и непременно в четвертую роту.

— Спасибо, большое спасибо, товарищ командир, — ответили мы.

Внимание, которое проявил новый комбриг к раненому, вызвало среди нас оживленные разговоры. Все сходились на одном: подполковник чуткий человек,

Я особенно подробно описываю случай на дороге потому, что раненым бойцом оказался Алеша Адров, мой сверстник из Кумылги — поселка Сталинградской области, — ставший впоследствии известным снайпером.

⊙ МИУССКИЕ БУДНИ

28-й армии, теперь уже Южного фронта, приказано занять оборону по берегу реки Миус правее Матвеева Кургана. Оборона здесь была сложной. Обрывистый правый берег реки господствовал над левым, и это давало возможность фашистам, занимавшим позиции на высотах, организовать хорошее наблюдение. По всему Миус-фронту — так гитлеровское командование окрестило оборонительный рубеж на Миусе — была вырыта сплошная линия траншей, а впереди нее сделаны ячейки для стрелков, пулеметчиков, снайперов, связанные ходами сообщения.

Из рассказов командиров, а также разведчиков, в том числе Вани Гурова, нам стало известно, что оборона на этом участке фронта имеет свои особенности и приметы. За тобой следят сотни глаз из щелей дзотов, дотов, всякого рода железобетонных колпаков и многих других сооружений. Местность пристреляна. Созданы тщательно замаскированные снайперские точки. Тут нужна исключительная осторожность и внимание.

Четвертой ротой теперь командовал старший лейтенант А. П. Похитон — кадровый офицер. Привыкнув к Тузу, я переживал его уход. Впрочем, комбат не забывал нашу роту, он часто бывал в ней, интересовался ее жизнью. Вот и сейчас Туз в роте, и по его приказанию мы со снайпером Павлом Хромовым прибыли к нему.

Павел Хромов — мой одногодок, юноша невысокого роста, с цепким взглядом карих глаз. В роту он прибыл совсем недавно из госпиталя. Я с ним быстро сдружился.

Хромов чем-то походил на моего друга Павлика Дронова, метко стрелял и имел на счету семь гитлеровцев, уничтоженных в боях за Ростов.

Как комсорг роты, я нередко давал Хромову поручения. Он относился к их выполнению очень добросовестно: выпускал боевые листки об отличившихся, подбирал интересные статьи о снайперах, которые читал боевым друзьям. Из 47 членов ВЛКСМ роты он был, пожалуй, самым активным и инициативным.

Комбат Туз, теперь уже старший лейтенант, повел нас за обрыв, где можно было говорить громче.

— В обороне боевой тон должны задавать снайперы, — начал Туз. — Вот хотя бы такая возможность: гитлеровцы — а это я знаю по опыту — не всегда отрывают траншеи в полный рост. Нет-нет, и над траншеей покажется немец. Одному лень пригнуться, другой по пьянке неосторожен, третий просто бравирует. Вот и ловите их на мушку!

Мы внимательно слушали Туза. Действовать в столь прочной обороне приходилось впервые, но задача ясна: бить фашистов при любом удобном случае.

— Сейчас всем спать, — приказал Туз. — А с рассветом — на «охоту». Ни один враг не должен безнаказанно смотреть в нашу сторону. Будьте хозяевами земли.

Утро встречает нас удивительной тишиной. Никто не стреляет. Я занимаю позицию и оглядываюсь вокруг. Вот пулеметчики готовят свои позиции к бою, а рядом стрелки маскируют валежником и сухой травой свежевырытый грунт. Два дюжих бойца в касках прилаживают противотанковое ружье. Не торопясь они рассовывают по нишам гранаты, патроны, котелки. Подразделения бригады буквально зарылись в землю и, подобно сжатой пружине, готовы в любое время вырваться наружу и ударить по врагу.

Снимаю защитный колпачок со снайперского прицела.

Не спеша, по одному, заряжаю пять патронов в магазинную коробку. Припадаю к окуляру.

Вот они, вражеские траншеи... Совсем близко. Над землей поблескивает каска, мокрая от утреннего тумана. Может быть, фашист созерцает восход солнца. Ой как опасно любоваться зорями на чужой земле! Перекрестье прицела уверенно ложится на гитлеровца. Тишина... И вот дернулся, как живой, в руках приклад. Эхо выстрела троекратно отразили высотки, лес, стены разрушенных домов. Серо-зеленая фигура фашиста выпрямилась, качнулась влево и рухнула в траншею. За бруствером замелькали каски.

— Зашевелились, гады! — шепчет мне Хромов.

Вскоре прогремел другой одиночный выстрел, и там, во вражеской траншее, у пулеметной точки, судорожно взмахнул руками солдат, намеревавшийся поднести к пулемету коробку с патронами.

Я поздравляю напарника с успехом.

В первые часы того дня фашисты еще ходили по траншее во весь рост. Голов не прятали. Выглядывали из-за бруствера. Однако к полудню они стали осторожнее, показывались все реже и реже. Предпочитали, видимо, наблюдать через перископы. Что ж, это делает нам честь. Но мы, снайперы, терпеливо высматривали гитлеровцев и, как только появлялась голова, стреляли.

⊙ ТРУДНЫЙ ПОЕДИНОК

В марте фронтовая газета опубликовала статью о моем поединке с немецким снайпером. Дуэль с фашистским суперстрелком была долгой и опасной и едва не стоила мне жизни.

А было это так. Весна на Миусе началась рано. Зазеленели поля. Вода крушила лед на реке и с шумом несла его в Азовское море. Над окопами то и дело раздава-

лось наводящее грусть курлыканье журавлей, летевших на большой высоте. Очевидно, журавли, как и люди, понимали, какую опасность таят миусские лиманы.

В траншеях неожиданно появилась вода. Каждый из нас создавал себе островок земли и сидел на нем, как заяц, застигнутый половодьем. В таком положении долго не усидишь, и я, хлюпая по воде, частенько навещал Семена Марчукова, пулеметный расчет которого был придан четвертой роте и находился на самом обрыве у изгиба реки. Бойцам его расчета мои визиты доставляли немало хлопот. Дело в том, что Семен Марчуков разрешал мне стрелять из пулемета и бойцы потом вынуждены были набивать пулеметные ленты.

В один из весенних дней я вновь пробрался к пулеметной ячейке. Смотрю, «максим» стоит на земляной площадке, тщательно замаскированный сухим бурьяном.

— Стрелять опасно, — предупредил Семен.

— Почему?

— Снайпер бьет. Хитрый, сволочь! Молчим — и он молчит. Стрелять начнем — и тут тебе раз!.. От щитка только брызги летят.

— Значит, на звук работает.

— Не определим никак, откуда стреляет. Но бьет здорово! Ничего не скажешь.

— Разреши пару очередей дать.

На этот раз в глазах пулеметчиков не вижу упрека. И все же они удивлены моей просьбой. Рискованно стрелять!

— Убьет — кто отвечать будет? — на полном серьезе спрашивает Семен.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Семен с неохотой уступает место у пулемета. Я знаю, что «максим» наведен точно по кромке бруствера вражеской траншеи. Работает как часы. Не один фашист ушел на тот свет от его метких очередей. Берусь за затыльник.

Жму на гашетку и вижу, как пляшут фонтанчики от пуль по самой траншее. И вдруг резкий щелчок в щиток. Осторожно осматриваю его и вижу: в двух сантиметрах от смотрового окна след от пули.

— Да, это стреляет снайпер, — уверенно заключаю я, а у самого холодок по спине проходит. Еще бы! В двух сантиметрах от смерти был.

Берусь выследить фашистского снайпера и уничтожить, о чем докладываю командиру роты.

— Смотри, сам не попадись на мушку, — предостерегает старший лейтенант Похитон. Он разрешил мне выползать на нейтральную полосу, о чем сам предупредил всех наблюдателей.

«Следить за снайпером надо ранним утром, когда солнце освещает высоту и когда лучи наверняка слепят глаза фашистам», — размышляю я. Ночь проходит в каком-то тревожном полусне.

Утро выдалось прекрасное. Пригревало солнце. Оттаявшая земля начала парить, и молочного цвета дымок потянулся в небо. Прижимаясь к земле, как уж, выползаю за бруствер, чтобы быть поближе к обороне врага. Ползу по высокому бурьяну почти у самого берега реки. Солнце все более пригревает. Камуфляжная плащ-палатка путается под ногами и мешает. Замечаю подснежник. Любуюсь им. Не могу оторвать взгляда от цветка. Вспоминаются родные места, склоны лощин, усыпанные подснежниками.

Стало душновато. Хочу развязать тесемки у шапки-ушанки. Вдруг чувствую будто удар по голове. Почти одновременно слышу выстрел.

«Снайпер стреляет», — искрой проносится в голове. Я мгновенно поворачиваюсь и кубарем качусь к реке. Падаю с обрыва в прибрежный ил.

Ощупываю голову. Жив! Рассматриваю пробоину в шапке. Судьбу решили миллиметры. Вот это выстрел!

Облегченно вздыхаю. Но тут же жгучая обида захлестывает меня: ведь был совсем на волоске от смерти! И от кого? От снайпера, которого добровольно вызвался уничтожить. Во рту сохнет от волнения. А по лицу ползут холодные капли пота. Умереть так нелепо, из-за мальчишеской неосторожности! «Раскис перед цветком, словно девчонка, — ругаю себя. — Вояка!» Волнение постепенно проходит. Раздумываю, как действовать дальше. Говорят, плохое не бывает без хорошего. Этот выстрел вражеского снайпера окончательно убедил меня в том, что он ведет огонь не из общей траншеи, а значительно ниже и ближе ее.

Проползаю к разведчикам, которые вот уже неделя как изучают оборону врага. Нахожу Ваню Гурова. Спрашиваю, знает ли он что-либо о немецком снайпере. И тут же слышу ответ:

— Будь он проклят, этот снайпер! Жизни от него никакой. Наблюдать не дает, гад! А вчера одного нашего разведчика ранил.

Ваня неопределенно показывает место, откуда стреляет снайпер. Его предположения совпадают с моими. На прощание он шутливым тоном предупреждает:

— Не высовывайся без надобности. Пожалей свою буйную головушку, иначе в ней дырку придется штопать.

— Посмотрим, у кого из нас будет эта дырка: у меня или у него, — отвечаю.

На другой день, выбрав подходящее место и замаскировав его, продолжаю изучать передний край врага. Солнце по-прежнему щедро освещает высоту. Из поля зрения не ускользает ни одна деталь. На скате возвышенности тринадцать кустиков. У одного из них темнеет нарытый грунт и консервная банка. Нет, это не снайперская точка. Разве умный снайпер станет возле себя разбрасывать демаскирующие его местопребывание детали? Скорее всего,

это ложное гнездо. А может быть... Может быть, хитрец умышленно избрал эту позицию, чтобы дезориентировать нас?

Невдалеке от наших траншей рвутся с равными интервалами мины: одна... вторая... третья... В промежутке между разрывами слышатся два сухих выстрела. (Одним из них был ранен в руку боец-казах Джалдаспеков, прибывший совсем недавно в роту.) Замечаю, как в самой низине у небольшого кустика потемнело, словно кто прикрыл его изнутри. Вспоминаю наставления лейтенанта Штанова: каждый темный куст бери на подозрение и следи зорко — там может быть вражеский снайпер.

Еле заметно мелькнул солнечный зайчик.

— Стоп! — произношу вслух. — Он, снайпер!

Сердце замирает от радостной догадки. Ругаю себя, что ранее не заподозрил этот кустик. А он действительно чем-то отличается от других. Замечаю идущую от куста малозаметную траншейку. Куда она уходит? Никуда. Стало быть, снайпер на рассвете приползает сюда по скату высоты. А траншейка не что иное, как ход к туалету.

Ползу к Семену Марчукову и убеждаю его через тридцать минут открыть огонь из пулемета, но так, чтобы без риска для себя. Еще раз выверяю расстояние, протираю оптику. Тридцать минут кажутся вечностью. «Ну что же они там не стреляют? Уснули, что ли?» — ругаю в душе пулеметчиков за их медлительность. Но вот четко и длинно застрочил «максим».

Все внимание сосредоточиваю на темном кусте. И тут замечаю, что он, словно живой, чуть-чуть, едва заметно, зашевелился и подвинулся влево. Показалась фигура фашиста в маскхалате и пятнистой каске. Мой выстрел почти слился с вражеским. Есть!

Бегу к командиру роты и натыкаюсь на него в траншее.

— Посмотрите на куст. Вот туда... Я убил фашистского снайпера.

— Осторожно. Пригни голову, — слышу в ответ.

— Не бойтесь. Смотрите, я убил его!

Старший лейтенант Похитон осматривает в бинокль куст и замечает осиротевшую винтовку гитлеровского суперстрелка.

— Будем считать, что всем нам крупно повезло, — не скрывая радости, произнес Андрей Петрович. — А это сучье гнездо вдобавок с землей сровняем.

Командир роты по телефону сообщил координаты «секретного» куста минометчикам. Те не замедлили открыть огонь. Маскировка взлетела в воздух. Взрывной волной отшвырнуло снайперскую винтовку, и она теперь лежит на виду у всех ненужным и совсем не опасным предметом.

В тот же день произошло событие, которое запомнилось мне на всю жизнь. Об этом событии хочется рассказать подробнее.

Вечером, когда я вернулся с «охоты», сообщили, что меня вызывают в политотдел бригады. Сразу догадался: на партийную комиссию по поводу приема в партию. Дождавшись, когда совсем стемнело, я выбрался из траншеи и пошел к одинокому дому, стоявшему на небольшой возвышенности. Дом ничем не выделялся, и, видимо, поэтому фашисты не обстреливали его из орудий. Там, в добротном каменном подвале, размещался политический отдел. Расстояние до дома было немалое, примерно километров пять, и я шел, перебирая в памяти все дни, связанные с подготовкой в партию. Многие свободные от боя часы я кропотливо изучал Устав партии, «Краткий курс истории ВКП(б)». А чтобы лучше запомнить прочитанное, рассказывал все боевым друзьям.

Я глубоко уважал своих старших товарищей, давших мне рекомендации: капитана П. С. Каныгина — замести-

теля командира батальона по политической части и лейтенанта А. Шивкова — заместителя командира роты по политической части. Они были очень внимательны ко мне, и я боялся подвести их, лишиться их доверия. Особую заботу о моем боевом и идейном росте проявлял секретарь комсомольской организации батальона младший лейтенант Николай Чайка. Он часто говорил со мной на разные темы, советовал, как и о чем провести беседу с комсомольцами, писал обо мне в армейскую газету, а однажды послал трогательное письмо моей матери (отец находился на фронте) о моих ратных делах.

На заседании партбюро и партийном собрании вопросов почти не задавали. Партийные активисты знали меня по конкретным делам. А вот сейчас как?

...Робко отворяю дверь. В подвале, возле ящика, заменяющего стол, сидит начальник политического отдела бригады подполковник А. Г. Фастовский. Рядом — секретарь комсомольской организации Чайка. Легкий сквозняк шевелит бумаги на коленях капитана Каныгина. Он замещает секретаря партийной комиссии. (Секретарь был болен.)

— Смелее, Петро, — ласково подбадривает Каныгин.

Я рассказываю свою биографию. Говорю о том, как учился в средней школе, призывал молодежь изучать военное дело, как сам страстно любил оружие и еще в школе изучил трехлинейку.

— И не зря, — заметил Чайка.

В тот же вечер начальник политотдела Фастовский вручил мне кандидатскую карточку.

— Ну, Петро, — пожал мне руку Каныгин, — теперь ты не просто снайпер, а снайпер-коммунист. Всегда чувствуй ответственность перед партией.

Глубоко взволнованный, я вышел из землянки.

⊙ БОЙ ВЕДУТ СНАЙПЕРЫ

Снайперы собрались на армейский слет. Начальник политотдела 28-й армии полковник Никита Васильевич Егоров призвал нас усилить активность в уничтожении гитлеровских солдат и офицеров. Стрелять, как Чечиков! Учиться бить врага по-чечиковски!

В обращении участников слета, опубликованном в армейской газете «Красное знамя», говорилось: «Снайпер комсомолец гвардии красноармеец Чечиков за период последних боев истребил 148 немецких оккупантов.

Призываем всех бойцов наших частей в совершенстве овладеть мастерством меткой стрельбы, беспощадно уничтожать гитлеровских бандитов» [1].

После слета снайперское движение получило еще более широкий размах. Достойный пример вновь показал комсомолец Чечиков. Он сравнительно быстро научил рядового Луканова метко стрелять из засад. Мы внимательно прочитали об этом статью в газете.

За боевые подвиги гвардии рядовой Дмитрий Иосифович Чечиков был удостоен ордена Красного Знамени. Многих товарищей по оружию он научил нелегкому искусству истребления врагов.

Мне казалось, что я никогда не смогу уничтожить столько фашистов, сколько Чечиков. И все-таки счет мой рос.

Старший лейтенант Туз решил создать группу лучших стрелков и организовать их обучение искусству меткой стрельбы. Инициатива комбата была горячо поддержана коммунистами и комсомольцами.

В группу кроме ефрейтора Павла Хромова входили ефрейторы Алексей Адров, прибывший из санроты, и Егор Бажанов, а также шестеро рядовых.

---

[1] «Красное знамя», 14 марта 1943 г.

Обучать стрелков поручили мне. По утрам я уводил будущих снайперов в лесок. Спускались к реке по крутому склону. Здесь нас никто не мог без надобности потревожить. Я рассказывал о приемах маскировки снайпера, обнаружения его, показывал, как правильно прицеливаться. Припоминал все, чему учил меня в свое время начальник бригадной школы снайперов лейтенант Штанов.

Особое внимание уделялось выработке таких важных для снайпера качеств, как осторожность и терпение.

— Хорошо замаскируешься — себя спасешь и врага убьешь, — повторял я не раз слышанное. — Демаскируешь себя — себя и погубишь.

Проводились тактические игры. Например, один из бойцов втайне от других подбирал и оборудовал снайперскую позицию. Его товарищам ставилась задача обнаружить эту позицию. Тому, кто обнаруживал первым, предоставлялось право самому подбирать и маскировать снайперскую точку. Пробовал я со своими учениками стрелять в ничтожно малую цель — пятак, винтовочную гильзу. Не забыл я напомнить и поговорку: «Есть терпение — будет и умение».

Разумеется, я внимательно следил за газетами. Вырезал из них материалы о снайперах Чечикове, Милащусе, Носове, Бабкине, читал эти материалы вслух. Мы тщательно изучали чечиковский метод «кочующей точки», суть которого заключалась в том, что снайпер имеет не одно, а несколько «гнезд» и ведет огонь то из одного из них, то из другого. При этом у противника создается впечатление, что стреляет не один, а несколько снайперов. Засечь кочующего снайпера очень трудно: ведь враг не знает, с какой точки прозвучит очередной выстрел.

Преуспевал в стрельбе Алеша Адров. Он клал пули, как говорится, в «яблочко». Алеша был выше всех нас ростом. Славный парень с ясными голубыми глазами и

обаятельной улыбкой, он как-то сразу располагал к себе. Иногда его называли просто «ясноглазый», и все понимали, о ком идет речь. Характер у Алеши был иной, чем у Павла Хромова, горячего и неуемного по натуре. Степенный и немногословный, Адров быстро зарекомендовал себя как отличный стрелок. Ему потом первому доверили самостоятельную «охоту».

Боевой учебе во многом содействовала комсомольская организация. В те дни мы провели открытое комсомольское собрание на тему «О повышении активности комсомольцев в обороне». Собрание проходило недалеко от переднего края, в пересохшем, заросшем кустарником русле реки Миус. Пригласили коммунистов, боевой актив роты. Люди пришли на собрание с автоматами, винтовками, гранатами, готовые по сигналу занять боевую позицию. С докладом выступил Иосиф Калинович Туз. Он рассказал об обстановке на фронте, о первомайском приказе Верховного Главнокомандующего, о конкретных задачах воинов.

— Мы должны вести активную оборону, — сказал докладчик. — Что это значит? Ответ простой: никто из нас не должен давать покоя врагу. Это особенно касается снайперов. Снайпер потому и называется снайпером, что в совершенстве владеет оружием.

Доклад взволновал бойцов. Завязался серьезный, деловой разговор о том, что надо сделать, чтобы повысилась активность в обороне. Понятно, не обошлось без критики. Помнится, как снайперы Бажанов и Хромов критиковали своего молодого товарища Клименко, который, пренебрегая мерами осторожности, полез на открыто стоявшее дерево, чтобы лучше видеть цели, и едва сам не погиб от пули вражеского стрелка. Критиковали стрелка Онищенко за то, что он плохо ухаживает за оружием, своевременно не смазывает его, редко чистит канал ствола винтовки.

— Пуля почистит,— отмахнулся Онищенко.

И тогда заговорили многие. Всем не понравилась его реплика.

— За винтовкой надо следить. Сила воина в его оружии, — говорили комсомольцы.

Следует сказать, что Онищенко извлек уроки из критики. Потом он и за оружием старательно ухаживал, и честно выполнял свой воинский долг.

Невеселым сидел на этом собрании снайпер Мамедов. Оказывается, в тот день его «охота» была неудачной. А дело было так. Мамедов высмотрел хорошо замаскированный одиночный окоп и внимательно наблюдал. Фашист, находившийся там, что-то тоже заподозрил и стал, как суслик, выглядывать из окопа. Выглянет — скроется — опять выглянет. Мамедов выстрелил, поторопившись. Судя по тому, как немец быстро нырнул в окоп, снайпер понял, что промазал, но продолжал наблюдать. И вдруг видит, фашист машет саперной лопаткой: рус не попал. Это задело Мамедова за живое. На собрании Мамедов, говоря об осторожности и зоркости снайпера, рассказал и об этом случае. На иронические реплики товарищей отвечал:

— Все равно продырявлю пулей его баранью голову!

Снайпер Мамедов с гитлеровцем рассчитался сполна. Но это ему стоило многих дней терпения и смертельного риска.

На собрании речь зашла и о чистоте в окопах, в которых мы теперь проводили и день и ночь. Парторг роты старший сержант В. Лабутин поставил в пример бойцов, которые содержали свои окопы в образцовом порядке. И в этом деле, сказал парторг, комсомольцы должны задавать тон.

Собрание не прошло для нас бесследно. Боевая активность молодых воинов стала расти с каждым днем. Не отставали и стрелки моей группы. С разрешения комбата они все чаще выходили на настоящую «охоту».

От разведчиков стало известно, что против нас в обороне стоит все та же 16-я немецкая мотодивизия, ранее сильно потрепанная, но вновь пополненная.

— Опять «Бурый медведь». Только повадка у него теперь иная. Предпочитает больше сидеть в берлоге. Труднее бить его, — говорит Хромов.

— Да, придется выманивать его...

— А как?

— Придумаем...

«Охотиться» стали сообща. Один из нас, стреляя с бруствера, нарочно обнаруживал себя поднятой пылью. И тут показывалось чучело — обрубок дерева с надетой на него каской. Чучело шевелил Мамедов. А Хромов, Адров и Петрищев наблюдали за траншеями противника.

Звучит выстрел. Мамедов выставляет чучело. Пули щелкают по брустверу над головой Мамедова.

— Ага! — восклицает обрадованно Хромов. — Стреляют из амбразуры. Вон оттуда.

Окно амбразуры то темнело, то вдруг светлело.

«Еще», — знаками просит Хромов.

Вновь гремит выстрел, и над бруствером мелькает чучело. В амбразуре потемнело. Снайпер Хромов тщательно целится. Трудно попасть в амбразуру с одного выстрела. Трудно, но надо. Хромов, затаив дыхание, нажимает на спусковой крючок. Ответного выстрела нет...

Ночью второй батальон перебросили на участок напротив Матвеева Кургана, левее нашей старой позиции. Как и там, противник занимал высотки на западном берегу Миуса. Только в одном месте, где стояла пятая рота и один взвод четвертой роты, западная, возвышенная часть берега находилась в наших руках. Вся она была изрезана балками. На восточном же берегу зеленели небольшой лесок, кустарник и сады. Здесь были укрыты наши обозы и штаб батальона.

Мы детально исследовали передний край. Через три дня снайперы знали, где и сколько у противника дотов, дзотов, стрелковых ячеек, какие тут складки местности. Ничто не ускользало от нашего внимания: ни вновь отрытая ночью ячейка в траншеях, ни выброшенная на бруствер консервная банка, ни блеснувшая в непривычном месте трубка окопного перископа. Все тщательно просматривалось через оптический прицел.

Как-то утром замечаем бугорок, будто на земле фурункул вскочил. Обратили внимание и на то, что он прикрыт сухой травой, а сбоку зияет черная дырка. Бугорок этот вдавался в нейтральную зону довольно далеко от линии вражеских траншей. Различали мы и идущий к нему ход сообщения, затянутый маскировочной сеткой. Взрыхленная почва хотя и с трудом, но просматривалась сквозь сетку. Холмик-«чиряк» был не чем иным, как замаскированной огневой точкой, которая наверняка будет действовать только в критическую минуту боя.

— Опасный бугорок, — заметил Алеша Адров. — Надо сообщить о нем полковым артиллеристам.

Да, снайпер призван не только лично уничтожать фашистов, но и разведать и своевременно сообщить о замеченных огневых точках. И мы передаем координаты через командира роты артиллеристам. А через час снаряды сравнивают огневую точку врага с землей.

Запомнился и такой случай. Старший лейтенант Туз, внимательно следивший за боевой работой снайперов, чуть ли не каждую ночь встречался с нами на КП, выспрашивал об «охоте», давал советы, ставил задачи на завтрашний день. В одну из таких встреч мы сообщили, что в районе поселка Шапошниково стрелкам шестой роты сильно досаждают вражеские доты с крупнокалиберными пулеметами.

— Ни мины, ни пули их не берут, — сокрушенно разводил руками Адров.

— Это, очевидно, броневые колпаки, — высказал догадку Хромов.

— Возможно, — согласился Туз. — А не усмирить ли их противотанковыми ружьями?

— Пробовали. Ничего не получается.

Туз на минуту задумался. Пламя от коптилки вспыхивало, колебалось, на какое-то мгновение освещая его сосредоточенное лицо.

— Вот что, друзья, — обратился он к нам. — Надо поточнее установить координаты этих дотов. Попробуем подавить их огнем из противотанковых орудий.

Туз тут же позвонил артиллеристам и приказал мне возглавить разведку. Старший сержант Александр Луговой, командир противотанкового орудия, веснушчатый подвижный паренек, разыскал меня на рассвете.

— Начнем, что ли?

Мы заняли удобную позицию и стали изучать передний край. Старший сержант нанес на карту все доты и дзоты. Подыскал удобную огневую позицию.

— Завтра мы им дадим жару, — с уверенностью заявил он.

— Вначале дай, а потом говори, — скептически отозвался я на похвальбу артиллериста.

Старшего сержанта не смутил мой ответ.

— Будь спокоен, снайпер, у нас, артиллеристов, тоже натренированный глаз. Быстро заткнем глотки этим фашистским дотам.

По совету комбата расчет орудия должен был на рассвете выкатить пушку на прямую наводку и с близкого расстояния расстрелять доты. Риск был немалый. Вражеские пулеметчики могли вывести расчет из строя до того, как он откроет огонь.

Предстояло действовать быстро, сноровисто и наверняка. Снайперы и пулеметчики должны были помочь в трудную минуту артиллеристам меткими выстрелами по

фашистским пулеметам. Ночью пехотинцы помогли артиллеристам отрыть капонир — укрытие для орудия. Придавало уверенности то, что утром в первую очередь обнажались вершины высот, на которых находились вражеские доты. В низине в это время еще стоит туман. Фашисты не сразу обнаружат орудие.

Огонь артиллеристов, как и предполагал комбат, явился полной неожиданностью для врага. Два дота были выведены из строя на первой же минуте: в каждую амбразуру было выпущено по одному подкалиберному и осколочному снаряду. На третий дот пришлось израсходовать четыре снаряда, но и он был разбит.

Окрыленные успехом, артиллеристы открыли огонь по дзотам и траншеям, где были замечены солдаты противника. Когда враг открыл ответный артиллерийский огонь, расчет быстро закатил орудие в капонир.

Во время огневого налета было разрушено пять дзотов, засеченных снайперами.

Спустя неделю я встретил на совещании агитаторов старшего сержанта Александра Лугового — командира орудийного расчета. На груди его блестела новенькая медаль «За отвагу».

— За те доты получил, — похвалился он. — Весь расчет медалями наградили.

Я крепко пожал руку артиллеристу.

⊙ РИСК ЗА РИСКОМ

10 мая 1943 года на базе двух отдельных стрелковых бригад — 159-й и 156-й образовалась 130-я стрелковая дивизия [1]. 528-м стрелковым полком ее стал командовать наш бывший комбриг подполковник М. И. Дубровин.

---

[1] ЦАМО СССР. Опись дел 159-й отдельной стрелковой бригады, л. 2—3.

В один из майских дней меня вызвал командир полка и вручил орден Красной Звезды. Привинчивая орден к гимнастерке, он сказал:

— Хотя дел в полку по горло, о снайперах я не забываю... И впредь бей гитлеровцев беспощадно. Надеюсь, оправдаешь доверие советского народа.

Слова командира полка, его приподнятое настроение передались и мне.

На передовую я возвращался вместе с Александром Украинским, который за отвагу и мужество, проявленные в боях за Батайск, был также удостоен ордена Красной Звезды. Уже через час мы прибыли в свой «дом» — длинную траншею с ячейками для стрелков — и принимали теплые поздравления товарищей. И вновь потянулись дни окопной жизни, полные тревог и опасностей.

Как-то на рассвете, получив «добро» командира роты, я решил вместе со снайперами Алексеем Адровым и Павлом Хромовым пробраться на нейтральную полосу, где стоял полуразрушенный сарай. За нами увязался санинструктор старшина Геркушенко:

— Хочу за фрицами поохотиться. Да и опять же вам подмога. Ранят кого — окажу помощь.

Знал я его мало. Да и вообще лишний человек на «охоте» — лишняя мишень для врага. И все же отказать ему не посмел — очень уж хотелось ему пойти с нами. Обстреливаемый участок проползли благополучно. И вот мы в сарае. Его стены сложены из крупного камня-известняка. Пуля их не возьмет. Иное дело мины и снаряды. Но сарай находится вблизи позиций, и немецкие артиллеристы и минометчики, естественно, побоятся при обстреле поранить своих. Выходит, мы неуязвимы. Правда, вражеская пехота может атаковать сарай. Но и наши пулеметчики начеку. В случае чего они помогут нам фланкирующим огнем.

Пробили отверстия в стене — через них можно целиться из «снайперки». Обозреваемый участок небольшой, но напротив нас два дзота. Они метрах в двухстах. Окна дзотов освещаются лучами восходящего солнца. Это нам на руку: если в амбразуре темнеет, значит, через нее кто-то наблюдает или целится.

Первым выстрелил Алеша Адров. Не знаю точно, убил он фашиста или нет, но нас тут же засекли. Началась самая настоящая дуэль. Как только в амбразурах темнело, мы стреляли и получали в ответ выстрел. Риск, конечно. Но на фронте он всюду. Перезаряжая винтовку, я на секунду отклонился вправо — и в мою амбразуру влетела пуля. Она с треском разорвалась, ударившись о противоположную стену. Но теперь прозвучал выстрел Хромова.

В траншее противника мелькают каски. Очевидно, гитлеровцы возятся с убитым или раненым.

— Дайте мне стрельнуть, — просит Геркушенко.

Выстрелить он не успевает. Пуля, задев край отверстия в стене, крошит камень. Геркушенко падает на землю и закрывает рукавом лицо:

— Ой, очи мои! Они повыбивали мне очи... Я ничего не вижу...

Мы оказываем ему первую помощь, промываем глаза водой из фляги.

— Вижу! — восклицает обрадованно Геркушенко. — Пылью запорошило. Ну погодь, фриц проклятый! Я это так не оставлю. Зуб за зуб, око за око... Дайте мне «снайперку».

Старшина Геркушенко родом с Украины. Служил где-то недалеко от границы. Еще в начале войны ему осколком задело левую руку, и он не раз показывал нам длинный лиловатый рубец — след ранения.

Оба дзота мы парализовали своим огнем. Никто не рисковал больше стрелять оттуда. Но гитлеровцы пошли

на хитрость: из соседних дзотов, которые нам не были видны, они начали стрелять зажигательными пулями по сухим доскам крыши сарая. А на чердаке сарая хранилось сено. Вскоре оно вспыхнуло, и крыша превратилась в факел. Тушить огонь было нечем. Тлеющие головешки и огненные клоки сена теперь падали нам на головы.

— Попали в крематорий, — с горькой усмешкой заметил Алеша.

— Выход один, — предлагаю я, — отходить к своим короткими перебежками.

— Сейчас? Да нас перестреляют, как куропаток, — возражает Хромов. — Они этого и ждут...

Признаться, мы более всего опасались снайперского выстрела: знали его тяжкие последствия. Но, судя по всему, у противника здесь не было снайпера. И я успокоил друзей.

Из нашей траншеи машут касками: бегите, мол, поддержим огнем.

— Я побегу первым, — вызвался санинструктор. Спружинившись для прыжка, Геркушенко вдруг в нерешительности прижался к стене: длинно застрочил наш пулемет.

— Эх, была не была,— махнул он рукой и во весь дух помчался к своим, петляя, как заяц.

Слева от него поднялось два земляных фонтанчика от пуль. Геркушенко вскрикнул, на какой-то миг остановился, подхватив левую руку правой, но тут же упал и скатился в траншею. Жив или убит?

«Риск есть риск, на войне без него не обойтись»,— размышляю я и тут же срываюсь с места, падаю невдалеке от траншеи и перекатываюсь в нее. С бруствера валюсь на руки товарищей, на меня падает Адров, а за ним Хромов. Ощупываем себя. Не ранены ли? Вгорячах можно и не заметить.

— Целы! — облегченно выдыхает Павел.

Слышим: стонет Геркушенко, которого перевязывает рослый боец, взяв бинт из его же санитарной сумки. Мы немало удивляемся, когда видим, что пуля попала в рубец его левой руки.

— Каты! Гады ползучие. Як вони в то место попали? Чи магнит який тут заложен...

Геркушенко еще долго ворчит, а мы смотрим, как догорает и с грохотом обваливается крыша сарая.

Другой раз — это было уже в июне — облюбовали мы позицию на северной стороне поселка Демидовка. Залегли на рассвете. В полдень обнаруживаю: к оврагу по тропинке вышагивает гитлеровец. В руках у него котелки. Идет с ленцой, как будто и не на войне. Ну как упустить такую добычу? Навожу на него перекрестье снайперского прицела. Целюсь в грудь. Жму на спусковой крючок. Гитлеровец падает, котелки катятся по тропинке. А мне не дает покоя мысль: почему этот фашист появился на тропинке днем, да еще так уверенно? Ведь немцы ходили по ней только ночью. Днем не смели — нас боялись. А этот... Выходит, он не знал, что тропинка у нас на прицеле. А раз так, значит, он новенький.

Быть может, у немцев в обороне новая часть? И мне вспомнился лейтенант Штанов, который говорил, что снайпер не только сверхметкий стрелок, но и внимательный наблюдатель и отличный разведчик.

О своих наблюдениях я доложил командиру роты. В том же духе высказались и снайперы Адров, Бажанов и Хромов.

Вскоре разведчики дивизии взяли «языка», который показал, что сюда прибыла 17-я гренадерская дивизия. Ею командовал генерал Ляш. Дивизия перебазировалась из Франции, и ее солдаты, привыкшие к легким победам в Западной Европе, лишь понаслышке знали о советско-германском фронте.

Меры, принятые по данным разведки, к сожалению, запоздали. Во второй половине июня после мощного артналета по позициям, которые занимали первый и второй батальоны 528-го стрелкового полка, гренадеры перешли в атаку. Силы оказались неравными, и наши подразделения вынуждены были отойти с высоты. Разрывом снаряда повредило «максим» Семы Марчукова, двоих из расчета ранило. Гитлеровцы метались по высоте, добивая наших раненых. На каждый наш выстрел фашисты открывали шквальный огонь. Мы залегли в низине в наспех отрытых окопах, сохранив за собой плацдарм на западном берегу Миуса. У снайперов теперь было немало целей, но и опасности не меньше. За кустиком вблизи разбитого окопа гитлеровец присел возле убитого и начал стаскивать с него сапоги.

«Не дам гадине мародерствовать», — решаю я. Стреляю, и враг уткнулся носом в землю. Переношу нити прицела на немецкого офицера. Снова стреляю. Офицер падает. Но тут где-то рядом загрохотали взрывы. Меня подкидывает вверх взрывными волнами. К счастью, остаюсь цел.

Но вот по высоте, занятой противником, открыла огонь наша артиллерия. Мы приободрились. Поступила команда: «Контратаковать противника, отбить ранее утраченные позиции».

Фашисты обрушили на нас огонь всех видов оружия. Мы несли потери. Неужели ночью придется отходить на восточный берег? Но тут по фашистам ударили «катюши». Заплясали огненные фонтаны. Гренадеры дрогнули, и мы вновь заняли позиции на высоте. Правда, противник не унимался. Перед нами вскоре показалась цепь гренадеров. Ружейно-пулеметным огнем мы прижали их к земле. Цепь поредела и попятилась назад. Уж тут наши снайперы поработали на славу!

Вот что писала наша дивизионная газета «За Роди-

ну» 19 июня 1943 года: «Подлинный героизм проявил красноармеец А. В. Адров. После каждого уничтоженного немца радостно восклицал он: «Получай, гадина, два метра!» Так храбрый воин за день боевых действий истребил 16 гитлеровцев.

Отличился и снайпер Егор Мефодьевич Бажанов, уничтоживший в боях в районе бумфабрики 13 фашистов». Оба снайпера были награждены орденом Красной Звезды.

Оборона на нашем участке опять стабилизировалась. Мы продолжали «охотиться», меняя позицию за позицией.

⊙ ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ СОРВАН

На короткий отдых мы расположились в подвале, сложенном из серого камня-известняка, каких немало в поселке Демидовка. Подкрепились сухим пайком — сухарями да американской тушенкой. В подвале было прохладно и уютно. Обстановка, можно сказать, располагала к задушевной беседе. Такие минуты — самое подходящее время, когда комсорг может поговорить с людьми. Я достал из кармана номер журнала «Блокнот агитатора», перелистал его:

— Послушаем-ка «Слово Фомы Смыслова».

В журнале регулярно печатался раешник, полюбившийся бойцам. Вот и на этот раз снайперы с интересом слушали бывалого солдата Смыслова, его рассказ о фронтовых делах, изобилующий шутками и прибаутками. Да и у наших ребят нашлось острое словцо, и мы вдоволь посмеялись. А смех — это, если хотите, новый заряд бодрости.

В часы досуга мы читали газеты, журналы и конечно же письма от родных. Часто читали эти письма сообща, делясь самым сокровенным.

— От кого письмецо? — спросил Хромов Алешу Адрова, когда увидел в его руках конверт-треугольник.

— От мамы.

— Читай вслух, — попросили друзья. — А если что сугубо личное — пропусти.

Алешина мама сообщала, что в Поволжье хороший урожай, а собирать пшеницу трудно: в селах одни старые да малые. «Мимо станции Кумылга, — писала она,— идут поезда с ранеными, и я глаза проглядела: все смотрю, нет ли тебя, Алеша. Когда же увидимся, сынок?»

Алеша отвернулся, скомкал письмо, в глазах его заблестели слезы.

— Ничего, друг, не унывай, — успокаивал я Алешу.— Гитлеру и его армии несдобровать. У нас с тобой «снайперки». И счет у тебя за сорок перевалил...

— Ты об этом напиши матери, — советовали Алеше друзья. — Пусть земляки узнают о твоих боевых делах.

— И что орден Красной Звезды получил.

В подвал вошел старший лейтенант Николай Рыбалко — помощник командира батальона.

— Вы тут сидите! — сердито выпалил он.— А фрицы у нас под носом в футбол играют.

Мы повскакивали со своих мест. Где? Какие фрицы? Какой еще футбол?

— Я не шучу, — сбавил пыл Рыбалко. — Разведчики сообщили. За восточным скатом высоты, в лощине, около дубравы, гитлеровцы играют в футбол. Непорядок!

— Ясно, что непорядок. Но как так? — недоумевал Хромов. — Фронт и... футбол?

Мы направились на северную окраину Демидовки. Траншея вела нас по западному берегу Миуса. В том месте, где траншея, как и река, делает петлю, нам повстречался боец высокого роста с добрыми серыми глазами.

— Куда, хлопцы-снайперы, путь держите? — полюбопытствовал он.

— С фрицами в футбол играть.

Сероглазый боец недоверчиво смотрел в наши лица.

— А табачку нема? — спросил он, убедившись, видно, что ничего путного у нас не выведаешь.

Украинский акцент, слова «а табачку нема?», высокий рост стрелка кого-то мне напомнили. Но кого? Ну конечно же Гринченко! Пантелеймона Гринченко! Это он когда-то стоял в этом же окопе. Весной здесь была в обороне четвертая рота, сейчас — шестая.

Алеша Адров отсыпал сероглазому бойцу махорки, а я никак не мог избавиться от нахлынувших вдруг воспоминаний.

...Пантелеймон Гринченко. Это был худощавый, с продолговатым лицом боец. Родом он из Ростова, где осталась его многодетная семья. По характеру Гринченко был прямым и открытым, немного даже резковатым. Первое знакомство мое с ним состоялось весной в его стрелковой ячейке. Остановившись, я посмотрел на высокий бруствер:

— Ну и окопчик себе вырыл... Глубокий.

— Это не окоп глубокий, а ты мелкий, — сердито ответил Гринченко.

Он тут же крепко выругался, бросив на землю окурок, от которого отдавало неприятным запахом.

— Табачку даже нет. О чем там думают тыловики наши? Жди, когда доставят...

— Терпения не хватает? — заметил я.

Гринченко посмотрел на меня укоризненно. Безусый боец упрекал его, бывалого фронтовика, в отсутствии терпения.

— Иш ты какой шустрый,— быстро заговорил он,— да знаешь ли ты, что у меня терпения до самого Берлина хватит?

— А почему ругаешься? — не сдавался я.

Гринченко отыскал в кармане помятый клочок бумаги, насыпал какой-то сушеной травы и стал скручивать цигарку.

— На, затянись... — сунул он мне самокрутку. — Горло дерет. Табачку нема, вот и ругаюсь. Может, чиновник какой в тылах завелся? Ты бы, комсорг, поинтересовался...

Вечером, встретившись с комбатом, я рассказал об острой нужде бойцов. А дня через три мы снова оказались в траншее, где была ячейка Гринченко. Он старательно чистил винтовку. Увидев меня, оживился:

— Сказывают, что ты от имени нас, курящих, с комбатом разговаривал. Спасибо, комсорг. Махорочку доставили.

Гринченко был расположен к разговору, но мы с Адровым торопились на новую позицию.

Потом мы не раз с ним встречались.

Как-то к нашим окопам пробрались немецкие разведчики. Первым заметил их Гринченко.

— Гляжу, ползут цветущим садом,— рассказывал Гринченко, — меня не видят. Кустики им мешают. Как сразить гитлеровцев? До нашей траншеи осталось им пути на один рывок. Под руку подвернулась противотанковая граната. Первых трех в клочья разнесло. Четвертый бросился бежать назад. Того пулей достал.

Расчет немецких разведчиков строился на внезапности: они хотели напасть на нас в обеденное время. Не вышло! Наши бойцы шутили:

— Шел фриц на обед, а ушел на тот свет.

За смелый поступок Пантелеймон Гринченко был награжден орденом Красной Звезды.

В полдень погиб и сам Гринченко. На КП роты его принесли еще живого. Он лежал несколько минут, силясь что-то рассказать о детях, и умер в полном сознании. Не верилось, что вот так просто могут уходить из жизни люди.

У Гринченко была большая семья и неуемная любовь к ней. Он чуть ли не каждый день получал письма от жены и взрослых детей. Казалось, что эта любовь накрепко связывала его с жизнью. И вдруг Гринченко не стало.

Его похоронили в лесу на небольшой полянке, метрах в двадцати от реки Миус. Старший лейтенант Туз глухо произнес:

— Прими, земля миусская, тело верного сына Отчизны. Да будет земля тебе пухом.

Алеша Адров сидел у свежевырытой могилы задумчивый, подавленный. В глазах его, казалось, исчезла голубинка.

Шумели молодые дубки, буйно зеленела трава. А в наши души змеей заползала тоска...

К вечеру второго дня после похорон мы пришли к могиле однополчанина. Нагнувшись, Адров вмял в землю пустые латунные гильзы.

— Вот, — сказал он, — наша месть врагу за тебя...

Мы продолжали двигаться по траншее, которая вела нас в лес. По веревочному мостику перебрались на восточный берег реки. У опушки леса лощина. Весной она заливается водой, а летом высыхает, зарастает камышом. В зарослях камыша нет траншей, но зато здесь выставлялись нами усиленные дозоры. Мы знали: передний край противника сильно минирован, опоясан колючей проволокой, за которой была небольшая возвышенность, а затем начиналось ровное поле. Из-за камыша всего этого не видно. А если влезть на дерево? Правда, опушка леса наверняка просматривалась наблюдателями противника и скорее всего была пристреляна его пулеметчиками. Влезть на дерево — риск. Стрелять с дерева — двойной риск. И как бы в подтверждение этой мысли послыша-

лась пулеметная очередь. Стреляли с северного ската высоты. Пули прошлись по вершине дуба. К нашим ногам упали сухие веточки и недозрелые желуди. Мы осмотрели дуб. Сучья его измочалены пулями. А лезть надо именно на этот дуб. Он крайний, самый высокий.

Взбираюсь на первый сук. Страха не испытываю. Не все же время вражеский наблюдатель смотрит на этот дуб. За мной лезет Адров. А внизу остался по моему указанию Хромов — для прикрытия. Вот мы почти на самой вершине. Припадаю к оптическому прицелу. И что вижу? Немцы на зеленой лужайке гоняют мяч. В душе злость — оккупанты играют в футбол на нашей земле! Переглядываемся с Алешей Адровым. Он чуть пониже, тоже все видит и тоже возмущен наглостью фашистов.

— Далеко, — сожалеет Адров, — метров восемьсот.

— Ставь прицел, — говорю ему. — Заряжай тяжелой пулей. Два выстрела — и вниз!

Гремят выстрелы. Мы видим, как заметались гитлеровцы. Одни бросились к убитым, другие залегли. Пора и нам в укрытие. Прыгаем с сука на сук, а затем на землю. По вершине дуба открыли огонь фашистские пулеметчики. Мы отбегаем в сторону.

— Игра окончена. Четыре — ноль в нашу пользу! — восклицает Алеша.

Возвращаемся лесной тропинкой, которая приводит нас к могиле Гринченко. По предложению Павлика Хромова оставляем на могиле однополчанина четыре пустые гильзы.

Когда о нашей вылазке доложили в штаб батальона, комбат нахмурил брови.

— Слишком рискованно, — сказал он. — Ведь любителей футбола легче накрыть артиллерией. — И, обращаясь к начальнику штаба, добавил: — Снайперам объявить в приказе благодарность.

Но и у нас не обходилось без потерь. Особенно тяжелым оказался один из летних дней. Перед обедом тяжело ранило снайпера Клименко, а к вечеру смертельное ранение получил Павлик Хромов. Снайперская пуля пробила ему левое плечо и застряла где-то в груди. Когда принесли Павлика на носилках к обрыву Миуса, где располагался медпункт, он был еще жив. Увидев нас, Хромов оживился, внятно прошептал:

— Прощайте... Бейте их...

Хотелось обнять друга и сказать ему что-то утешительное, ласковое. Что, мол, ты, Павлик, славно поработал. Совесть твоя перед Отчизной чиста. Ты вышел из строя, но в живых остались твои друзья. Мы продолжим счет убитым фашистам.

— Отомстим за кровь товарища! — поклялись мы.

Через два-три дня Алеша Адров, спрятавшись в густой кроне дуба, выследил пункт, куда на рассвете доставлялась немецким солдатам пища.

— Подкинем-ка им «каши», — сказал Василий Петрищев.

Надев на себя камуфляжные плащ-палатки, мы втроем засели на деревьях. Удобно приспособили к стрельбе винтовки. И вот потянулись часы ожидания. Наконец затарахтела кухня. В предрассветном тумане показались фигуры гитлеровских вояк. Один за другим загремели выстрелы. Несколько фашистов — нам было не до счета — были сражены снайперскими пулями. Не медля ни секунды, мы прыгаем со своих мест. Трещат сучья. Среди гитлеровцев поднялся переполох. Их автоматчики открыли беспорядочную стрельбу, но мы были уже в безопасности, укрывшись за дубками.

— Это им наш комсомольский ответ на смерть Павлика, — говорит Алеша Адров.

К вечеру, запыленный, к нам на передовую пробрался майор Белкин — заместитель командира полка по

политической части. Я как раз писал письмо матери, сидя в окопе.

— Полковые разведчики «языка» взяли, — сообщил майор. — Пленный признал, что от снайперов у них урон большой. Так что гордитесь своими боевыми успехами.

Майор Белкин рассказал нам, что фашисты называют Донбасс русским Руром, а Миус-фронт — железными воротами, прикрывающими Донбасс с востока.

— Гитлер никак не может смириться с гибелью своей шестой армии. Перед нами стоит армия, имеющая тот же номер, что и армия Паулюса. Все полки и соединения ее носят те же номера, что и разбитые под Сталинградом,— сообщил нам майор.

— Скоро ли в наступление пойдем? — интересовались бойцы.

— Наступление не за горами, — уверенно отвечал Белкин.

Замполит, беседуя с нами, снайперами, живо интересовался и нашей «охотой», и нашим бытом. По его совету я написал на имя командира полка рапорт о своей снайперской работе.

— Патронов на врага не жалейте, — сказал, пожимая нам руки, майор. И, обращаясь ко мне, добавил: — А ваш рапорт мы опубликуем в дивизионке.

И действительно, в номере дивизионной газеты «За Родину» от 22 июня 1943 года появился мой рапорт командиру полка.

⊙ В ГОСТЯХ У КОМАНДОВАНИЯ

Вечером 7 июля, когда перестрелка несколько поутихла, в нашей траншее снова появился замполит полка майор Белкин.

— Слушайте сообщение Советского информбюро, — объявил он.

В сообщении говорилось, что западнее Ростова-на-Дону происходила артиллерийская и минометная перестрелка: наши подразделения здесь подавили огонь нескольких артиллерийских и минометных батарей, разрушили 11 блиндажей и 3 дзота противника; затем назывались наводчики минометных расчетов, взорвавших вражеский склад боеприпасов.

— Все это в полосе нашей армии? — спросил кто-то.

— Конечно, — отвечал майор. — Но вы послушайте, что сказано о нашем полку.— И он продолжал читать: — «За полтора месяца 37 снайперов Н-ской части истребили 472 немецких солдата и офицера. Снайпер Петр Беляков уничтожил 101 гитлеровца, Алексей Адров — 66, снайпер Павел Хромов истребил 65 немцев» [1].

Слова замполита с трудом укладывались в моей голове. Обо мне, парне из Сталинградской области, знает теперь вся страна. Прочитают мать, отец, знакомые. Я был на седьмом небе от счастья.

В ротах проводились беседы, комсомольские собрания, на которых провозглашались призывы беспощадно истреблять немецко-фашистских оккупантов, держать равнение на снайперов. Среди бойцов возросло стремление научиться метко стрелять.

Позвонил по телефону комбат. Подхожу, беру трубку. Туз сообщает, что мне присвоено воинское звание «сержант» и что меня вызывает 25-й — командир полка Дубровин.

— Не забудь поставить об этом в известность командира роты, — напоминает комбат.

Старший лейтенант Похитон не очень любил, когда кого-либо отзывали из роты. Вот и сейчас он заметил:

— Твоя слава уведет тебя из роты.

---

[1] Сообщение Советского информбюро от 7 июля 1943 г.

Эх, знал бы командир, как я привязался к своей роте! У меня и мысли не было покинуть ее. Но я смолчал.

В Старую Ротовку, где находился штаб полка, добираюсь с трудом. Повсюду земля изрыта траншеями, ходами сообщения. Кое-где приходилось ползти на животе, чтобы не демаскировать новые траншеи. Впрочем, к этому не привыкать.

Ползу, делаю короткие перебежки от одного дома к другому, от одной траншеи к другой. Обиды на тех, кто на меня шикает, нет. Окоп — крепость солдата, и эта крепость поддерживается не только стенами, но и маскировкой.

Наконец добираюсь до КП полка. Подполковник М. И. Дубровин встретил меня радостно. Крепко обнял.

— Сейчас сообщу о тебе семьдесят четвертому, — сказал он.

Семьдесят четвертый — это командир дивизии полковник К. В. Сычев. Пока Дубровин звонит, я осматриваю землянку. В ней чисто, уютно. На топчане лежит гармошка. На столе букет свежих полевых цветов.

Исподволь наблюдаю за командиром полка. Он кажется мне совсем молодым. Впрочем, он и в самом деле молод. Михаилу Ильичу Дубровину шел двадцать седьмой год.

— Командир дивизии приглашает к себе.

По траншее выходим в балку, где нас ждет «виллис». Садимся и мчимся в сторону Лысогорки. Неподалеку рвется крупнокалиберный снаряд. Взлетают комья земли, и нас обдает горячей волной воздуха. Фашистские артиллеристы, очевидно, заметили машину.

— Держись, снайпер! — подмигивает мне Дубровин. — На передовой пули да мины, а здесь видишь какие чушки рвутся!

Обстреливаемый участок преодолеваем на большой скорости. Выезжаем на дорогу, по обеим сторонам которой зреет рожь-падалица. Повеяло чем-то мирным. Я от-

вык от такой обстановки. Замечаю группу солдат, которые шагают, не пригибаясь, по полю, что-то замеряют. Как это можно ходить в полный рост? По привычке определяю до них расстояние...

Мы на КП дивизии. Из соседнего помещения доносится басовитый голос. В приоткрытую дверь вижу высокого и полного полковника в полевой форме.

— Слушайте, командир дивизии о вас говорит, — кивнул в сторону двери Дубровин.

Действительно, комдив назвал мою фамилию.

— Вот сейчас он будет здесь. Солдат как солдат. Восемнадцать лет. Словом, юнец, а уничтожил роту гитлеровцев. Это ли не герой! Всем нам надо работать в полную силу, с какой воюют бойцы на передовой. Ясно?

«Ясно» означало конец совещания. Все шумно вышли из помещения и окружили нас. А я не мог прийти в себя от растерянности. Мне было не по себе от того, что меня так хвалили. И не кто-нибудь, а сам командир дивизии. Волновала и встреча с ним.

Но комдив оказался простым, приветливым человеком. Подойдя ко мне, он пожал мне руку и пригласил в землянку поужинать.

В землянке, обитой плащ-палатками, горела электрическая лампочка. Пахло донским чебрецом, который был разбросан по полу. Видно, командир дивизии любил запах полевых трав. На столе в алюминиевых тарелках стояла закуска: рыбные консервы, тушенка и редис с огурцами.

Навстречу нам поднялся начальник политотдела дивизии полковник Газис Лукманов — казах по национальности — с новеньким орденом Красного Знамени на груди. Рядом с ним стоял незнакомый мне генерал.

За ужином меня расспрашивали об «охоте» за гитлеровцами, о настроении бойцов, о поведении противника и о многом другом.

Наконец полковник Сычев встал из-за стола, и в эту минуту он показался мне особенно высоким и сильным.

— Это хорошо, что фашисты гнут голову. Бояться нас стали. Время! — сказал он со значительным ударением на этом слове. — Это им не сорок первый. Ну, спасибо, Дубровин, что растишь орлов. Снайпера представьте к награде.

Ночь я переспал в землянке командира дивизии, а утром меня одного (Дубровин уехал в полк сразу после ужина) подбросили на машине до Старой Ротовки, а оттуда я добрался до передовой.

В роте меня ждало печальное известие: тяжело ранен Алеша Адров, мой боевой друг, земляк и сверстник. Алешу у нас все любили. Он никогда не унывал, со всеми был приветлив. Его светлые, с голубинкой, глаза, казалось, излучали доброту и радость. Есть на свете люди, которых, увидев однажды, помнишь всю жизнь. К таким людям, несомненно, принадлежал и Алеша Адров, снайпер 528-го стрелкового полка.

— Растерял ты своих учеников. Ну что ж, на войне без потерь не обходится... А жаль! Добрые были хлопцы, — с грустью сказал мне Туз, когда я прибыл по его приказанию на КП батальона.

Я еще раз крепко задумался. Нет ли в чем моей вины? Ведь из строя выбыли многие. Да и оставшиеся ходили помеченные пулями или осколками. Меня судьба хранила, я и сам диву давался: в каких переплетах был, а остался жив!

Туз по-отцовски положил руки на мои плечи:

— Мы еще поживем, Петрушка. Для нас еще пуля не отлита на немецких заводах. А друзья твои дело сделали. Если бы все так воевали... Будем комплектовать новую команду снайперов.

Задумку Туза осуществить не удалось. Вскоре его тяжело ранило. Иосифа Калиновича увезли в госпиталь.

В один из жарких дней я зарядил винтовку обоймой тяжелых пуль, кончики которых были окрашены в желтый цвет. Просматриваю немецкую передовую: не попадется ли в прицел зазевавшийся гитлеровец?

Как назло, противник вел себя весьма осторожно, будто догадывался о моем замысле. В полдень замечаю: на бруствере лежат рядом три каски.

Обедать собрались? Ну, я испорчу фашистам аппетит! Одну за другой сшибаю пулями каски, и они, словно лягушки с берега, прыгают в окоп. А за спиной кто-то хохочет. Оглядываюсь: это помощник комбата старший лейтенант Рыбалко, искренне любивший меня и называвший не иначе как старшинкой. В руках у него большой трофейный бинокль.

— Ты, я вижу, зол. Чего они тебе дались, эти каски?

— Пусть знают, что на нашей земле оккупанту и пообедать спокойно нельзя, — отвечаю я.

— Правильно гутаришь, старшинка. Фрицы небось теперь смотрят на дырки в касках и возносят хвалу своему «гот мит унс», что уберег их от русской пули.

— И голову еще не одну продырявлю, — заверяю я, дозаряжая винтовку.

⊙ МЕСТЬ

В первых числах августа наш батальон занял рубеж, который проходил напротив поселка Шапошниково. Из строя выбыл по ранению командир второго взвода младший лейтенант Валерий Миргородский, и мне предложили временно принять взвод.

Оборона, занимаемая взводом, была весьма трудной. Мы находились на склоне высоты, фашисты — на самой высоте, в 80—90 метрах от нас. Грунт тут каменистый. Нам достались траншеи, отрытые не в полный рост. Кое-где по ним приходилось пробираться по-пластунски. Сты-

ки взводов не были соединены сплошной траншеей. А с первым взводом нас разъединяла небольшая балка. Наш передний край не был минирован, так что противник в любое время мог предпринять активные боевые действия: попытаться захватить «языка», неожиданно нас атаковать, забросать гранатами. Правда, этого же боялись и фашисты: по ночам они освещали нейтральную полосу ракетами, которые падали за нашими окопами, так как нейтральная зона была очень мала.

Иногда фашисты ни с того ни с сего открывали бешеный огонь, очевидно пытаясь нас деморализовать. А однажды обстреляли тяжелой артиллерией. Примерно в полдень снаряд взорвался позади нашей траншеи. Земля содрогнулась, взметнулся ввысь столб огня и каменных осколков. Часть траншеи обвалилась, нас оглушило и заволокло густой пылью. Второй снаряд угодил в немецкую траншею, а третий упал на нейтралке. На этом огонь прекратился. Видно, гитлеровцы поняли, что обстрел из тяжелых орудий опаснее, пожалуй, для них самих. Зато они приноровились обстреливать нас из гранатометов.

Ночью на передовой, как обычно, никто не спал, а днем, когда люди отдыхали, здесь оставались наблюдатели и дежурные пулеметчики. И средь бела дня один за другим погибли три взводных наблюдателя. Все трое — от пулевых попаданий в голову ниже каски. Было ясно, что против нас действует снайпер. И я тут же доложил об этом командиру роты.

— Продырявьте тому снайперу голову! — возмущенно отвечал старший лейтенант Похитон. — Но вам из расположения взвода отлучаться запрещаю. Можете поручить...

Тут в трубке что-то затрещало, и Похитон положил ее. Гнев его был мне понятен.

Отдаю приказание: наблюдение вести только через окопные перископы. Было решено ночью переправить те-

ла убитых бойцов через Миус для захоронения. А в груди моей что-то давит. Задыхаюсь от волнения. «Не все ли равно, кто поймает на мушку вражеского снайпера! — размышляю я. — Важно снять его. Уничтожить во что бы то ни стало... Это сделаю я. Я сам!»

Моя снайперская винтовка лежала в нише, прикрытая плащ-палаткой. Эти дни я ходил с автоматом. С ним командиру сподручнее. Но мысль отомстить врагу за смерть товарищей не давала покоя. И я снова вооружился «снайперкой».

Где выбрать позицию? За балкой на нейтралке виднелось полуразрушенное здание. Это или дачный домик, или хранилище для фруктов и овощей. Проникнуть к нему не стоило большого труда, хотя и не без риска: в доме могла быть засада, он мог быть минирован. Но без риска на фронте не обойтись.

Подзываю помкомвзвода сержанта Пеккера. Объясняю, какие принять меры, если что-либо случится со мной. Пулеметчики получили задачу быть готовыми прикрыть вылазку.

В полдень, когда солнце начинало припекать, бдительность наблюдателей обычно притуплялась. Но я понимал, что вражеский снайпер держит в прицеле нашу траншею, выискивая очередную жертву. Скорее всего, он использует амбразуру какого-то дота.

Ужом ползу по траве. Заглядываю в дом — пусто. Ничего опасного. Окном, обращенным в сторону врага, не пользуюсь: можно себя обнаружить. Вытаскиваю из стены кирпич. В проем кладу «снайперку».

До траншеи противника не более 70—80 метров. Но перископ увеличивает предметы в четыре раза. Значит, фашисты кажутся от меня в каких-нибудь 20 метрах. С такого расстояния я пулей сбивал пятак, тушил свечу. Промах исключается!

Солнце ярко освещает дот, и от этого отверстие амбразуры кажется темным и зловещим.

Слышу, как сержант Пеккер на немецком языке начал передачу в рупор, сделанный из жести. «Ахтунг! Ахтунг! — долетают до меня его слова. — Дойче золдатен...» Я же не спускаю глаз с амбразуры. Вот в ней что-то зашевелилось. Еще секунда-другая — и в отверстие высовывается винтовка. Но выстрелить фашист не успевает...

Правее дота из траншеи показался солдат. Смотрит. Разглядывает мой дом. Выходит, догадались, откуда стреляю. Нажимаю на спусковой крючок... Над траншеей все чаще мелькают каски. У противника, видать, переполох. Но я не тороплюсь уходить. Выбираю новую цель.

«Вот вам, гады, за смерть друзей! За Павла Хромова, за раны Алеши Адрова, за родного брата! За все!»

Магазинная коробка пуста. Я отползаю в балку, к своим окопам. Около дома рвутся гранаты, по нему фашисты открывают огонь из пулеметов.

«Поздно!» — думаю я и вытираю пот с лица.

Что-то кричит в рупор сержант Пеккер: то ли злорадствует над бессилием врага, то ли призывает его солдат сдаваться в плен. А я не могу отдышаться и прийти в себя от охватившего меня волнения.

— Товарищ старшина (за несколько дней до этого мне было присвоено звание «старшина»), вас вызывает Похитон. — Телефонист подает трубку.

— Что случилось? Кто растревожил осиное гнездо? — спрашивает командир роты.

Докладываю обо всем подробно.

— Я же запрещал отлучаться...

— А я не отлучался: дом в зоне моего взвода.

Командир роты сменил гнев на милость, похвалил меня за инициативу, обещал доложить комбату.

Следующей ночью вражеская граната разорвалась перед окопом в двух-трех шагах, обдав меня крошками по-

роха и мелкими осколками. Ран оказалось много, но все неопасные. Лежу на носилках и слышу, как по телефону старший лейтенант Похитон докладывает:

— Вышел из строя...

Умоляю врача, все ту же Екатерину Ивановну Лаврову, которую когда-то упрашивал Алеша Адров, оставить меня лечиться при санроте полка.

На молодом теле раны зарастают быстро. Через неделю я был уже на ногах. Наш батальон к тому времени отвели во второй эшелон. Это совсем рядом с санротой, и я с разрешения врача пошел навестить боевых друзей. Первым, кого встретил, был комсомолец Завалишин, видавший виды пулеметчик.

Окоп ефрейтора Михаила Завалишина находился в саду, где росли яблони-антоновки. Какая же это красота!

— Каждое утро любуюсь садом, — говорит Михаил.

Завалишин ревниво оберегал яблони. Он никому не разрешал рвать наливающиеся соком плоды. И я подумал: человек в бою жизни своей не щадит, а все, что радует глаз, сохраняет во имя жизни.

В батальоне не теряли зря времени: тщательно изучали стрелковое оружие, ходили в учебные атаки, совершенствовали приемы ближнего боя. С рассветом сержанты и старшины уводили молодых бойцов в балку — там проводились стрельбы.

Признаться, всем нам надоело отсиживаться в окопах. Мы рвались в бой. Восхищение вызывала победоносная битва на Курской дуге. Теперь уж не за горами было наступление и на Южном фронте.

⊙ ИЗВЕДАЛ ВРАГ...

Утро 18 августа выдалось теплым и тихим. По долинам Миуса лениво стелился туман. Лес дремал. Но тишина продолжалась недолго. Вскоре по всей линии фрон-

та засверкали вспышки выстрелов. И загудела миусская земля. Вздымались в небо фонтаны артиллерийского огня и дыма. Трескался и крошился вековой камень. Над курганом Черный Ворон висела штурмовая авиация, сокрушая укрепления противника.

Наш батальон заранее занял исходные рубежи в непосредственной близости к неприятельским позициям. Здесь по огневым точкам противника били прямой наводкой противотанковые пушки и батальонные минометы.

Над окопами вспыхнула красная ракета.

— В атаку! За мной! — скомандовал командир роты и пружинисто вскочил на бруствер.

Бойцы рванулись вслед за ним, стреляя на ходу из автоматов и карабинов. И вот уже завязалась отчаянная схватка. Гитлеровцы, не выдержав, оставили первую линию окопов. Потом, однако, они оправились от испуга и предприняли контратаки.

В ожесточенном бою никто из нас не дрогнул. Первая цепь гитлеровцев была буквально выкошена дружным огнем пулеметчиков и стрелков. Контратака врага захлебнулась и во второй и в третий раз.

Немецкие наблюдатели засекли станковый пулемет сержанта Марчукова. Вокруг него начали рваться снаряды. Пулемет опрокинуло. Погибли бойцы расчета. В ту тяжелую минуту сержант не растерялся. Он привел в порядок «максим» и, когда фашисты поднялись в очередную контратаку, нажал на гашетку. Снаряды рвались, осыпая пулемет землей и осколками, а Семен Марчуков стрелял. Его нашли после боя тяжело раненным и отправили в госпиталь.

Батальоны 528-го стрелкового полка, хотя и медленно, продвигались вперед. КП полка из Старой Ротовки был перенесен на миусские высоты, откуда хорошо просматривалось поле боя. Здесь теперь находилось и Знамя полка...

30 августа 1943 года войска фронта освободили Таганрог и устремились дальше на запад, сбивая заслоны врага, обходя и уничтожая его опорные пункты.

...Это было недалеко от Мариуполя. Враг закрепился на возвышенности. Мы знали, что в тылу гитлеровцев западнее Мариуполя (поселок Мелекино) высадился отряд моряков Азовской военной флотилии, и нам надо было соединиться с десантом. Рассыпавшись в цепь, мы ползли вперед.

Вдруг с трех сторон застрочили вражеские пулеметы. Один из них бил нам почти что в спину. Тяжело ранило командира роты. Погибли несколько бойцов. Положение стало критическим.

— В лощину! В укрытие! — услышали мы команду и, оглянувшись, увидели незнакомого лейтенанта с автоматом в руках. — Приказываю: в лощину! Я назначен вашим командиром, — громко объявил он.

Лейтенант действовал быстро и решительно. Собрав нас в лощине, он готовил бросок через простреливаемое поле. Помню, кто-то из пожилых бойцов заметил:

—Легко сказать — бросок! Мало нас, да и артиллерии нет.

— Вижу, что мало, но и врагов негусто, — спокойно сказал лейтенант. — А ждать нельзя. В тылу врага гибнут моряки в неравной схватке.

И словно в подтверждение слов лейтенанта за кукурузным полем участилась стрельба, раздались взрывы.

— Слышите, друзья? Ждать нельзя. Поможем морякам.

— Поможем! — раздались голоса.

Лейтенант разбил бойцов на две группы, одну из них приказал возглавить мне. Группе была поставлена задача уничтожить противника, действовавшего с тыла.

— Там фрицев не больше отделения, — напутствовал меня лейтенант. — Отдай одному из бойцов свою снайпер-

скую винтовку. Возьми автомат. Командиру в бою он нужнее.

Лейтенант был по-своему прав. С автоматом в наступательном бою куда удобнее: оружие это скорострельное. К тому же совмещать обязанности и командира и снайпера трудно. Но и оставаться без снайпера тоже не резон. С огорчением я передал снайперскую винтовку бойцу, который и видел-то ее впервые.

В атаку мы поднялись одновременно. Дружно рванулись вперед, подминая под себя стебли кукурузы.

— Ура! Ура!

Но тут длинно застрочил пулемет. Захлопали разрывные пули. Бойцы залегли. Мы несли потери. По клубам пыли я быстро определил местонахождение вражеского пулемета, увидел пулеметчиков.

— «Снайперку»!.. Давай «снайперку»! — кричу, но того бойца поблизости не оказывается. А как была бы теперь кстати снайперская винтовка!

— За мной! — Вскакиваю с земли и на бегу строчу из автомата по пулемету. Поднялись бойцы и тоже открывают огонь.

— Отступают! Бегут! — послышались торжествующие возгласы.

— Ага! Дрогнули, — выдохнул я. Лейтенант был прав. Фашистов тут было мало. Четырех мы взяли в плен.

Смолкла стрельба и в той стороне, где наступал со своей группой лейтенант. Как там дела? Кто кого одолел?

Мы бежали к месту, где лейтенант приказал собраться после боя. Первым, кого мы увидели, был раненый боец.

— Где лейтенант? — спросил я его.

— Лейтенант там... — указал он в сторону балки.

Раненые все чаще стали попадаться на нашем пути. Судя по всему, здесь был жестокий бой. Но где лейте-

нант? Кукурузное поле словно оборвалось. Впереди, метрах в пятидесяти, чистое поле. То там, то здесь тела убитых. И вот видим лейтенанта: лежит он вниз лицом. Правая рука застыла на цевье автомата. Рядом, около разбитого пулемета, трупы четырех немецких солдат. Было ясно: преодолевая открытый участок, лейтенант и его бойцы на бегу стреляли по пулемету. Многим это стоило жизни. И я опять пожалел, что с лейтенантом не было снайпера: можно было бы избежать излишних потерь.

Связной Петрищев осторожно достал из кармана гимнастерки документы лейтенанта и подал их мне.

— Баранцев Николай, — прочитал я. — Горьковской области...

Кто-то с тревогой перебил меня: впереди замечены люди. Я поднес бинокль к глазам. Но кругом уже кричали:

— Моряки! Моряки!

Потом были бои на реке Молочной, в Мелитополе, на никопольском плацдарме, на Днепре, и из каждого боя я выносил твердое убеждение: снайпер должен оставаться снайпером.

⊙ ВСПОМИНАЯ ДРУЗЕЙ БОЕВЫХ

20 ноября 1943 года при прорыве обороны врага на никопольском плацдарме я был вторично ранен, но на этот раз тяжело. Пролежал около года в госпитале. Выписавшись, попал в 1-ю гвардейскую армию, в рядах которой дошел до Праги, но воевать в качестве снайпера не довелось — был признан ограниченно годным.

О боевых друзьях из 159-й стрелковой бригады (затем 528-го полка) конечно же часто вспоминал. Ведь в нем служили мои земляки. Немало их погибло в боях, а те, кто остался в живых, и поныне трудятся на заводах, в колхозах и совхозах.

В 1972 г. ветераны-однополчане встретились в Волгограде. Был здесь и первый командир нашей бригады полковник запаса А. И. Булгаков. Его грудь украшают орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды и многие медали. Войну он закончил в Берлине в качестве заместителя командира 265-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии, принимавшей непосредственное участие в штурме рейхстага.

А. И. Булгаков теперь почетный гражданин города Зернограда, который был освобожден нашей бригадой. Живет Александр Иванович в Волгограде. Именно здесь, в его квартире на улице Черняховского, и встретились ветераны.

А как сложилась судьба М. И. Дубровина? Михаил Ильич командовал стрелковыми частями до конца войны. Он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, многими медалями. После увольнения в запас поселился в городе Куйбышеве. Военврач полка Екатерина Ивановна Лаврова, уроженка Сталинграда, стала его супругой.

Остался в живых и Иосиф Калинович Туз. Ранение под Таганрогом оказалось тяжелым, и он стал инвалидом войны. Бывший комбат часто вспоминает свой последний бой:

— С помощью танков нам удалось прорвать оборону противника. До города оставалось совсем близко. Увлекшись атакой, мы обогнали танки. И вдруг что-то тяжелое ударило меня по руке...

Туз — москвич. Я веду с ним переписку, и он помог мне восстановить в памяти многие события.

В Волгограде мы встретились со снайпером Спесивцевым. Он живет в городе Калач-на-Дону и работает прорабом райпотребсоюза.

— Нелегко пришлось мне тогда в Ростове, — рассказывал нам Владимир Васильевич. — Отрезанный танками

от своей роты на улице Энгельса, я с помощью шустрых ребятишек с трудом пробрался к вокзалу, где присоединился к батальону старшего лейтенанта Мадояна. Здесь из окон и чердака вокзального помещения я стрелял из «снайперки» по атакующим фашистским автоматчикам... Одиннадцатого февраля во время вылазки на Верхне-Гниловскую был ранен. Потерял сознание. Подобрали меня женщины — местные жительницы. Они оказали первую помощь, помогли пробраться к своим.

Встреча в Волгограде оставила в памяти неизгладимый след. Мы были счастливы увидеть друг друга. Сколько было воспоминаний о тяжелых днях войны, о боевых друзьях...

Вспомнили Г. К. Мадояна. За бои в Ростове он получил звание Героя Советского Союза. Потом Гукас Карапетович командовал стрелковой бригадой. Освобождая Закарпатье, был тяжело ранен. Долгие годы работал министром социального обеспечения Армянской ССР. Теперь он на пенсии. Живет в Ереване.

А как не вспомнить славных снайперов Дмитрия Чечикова, Николая Носова, Павла Хромова, Алексея Адрова...

На станции Кумылга Волгоградской области живут родители Адрова. Его отец, Василий Андреевич, как драгоценные реликвии хранит вырезки из фронтовых газет, в которых сообщалось о подвигах Алексея и награждении его орденом Красной Звезды. Оправившись после тяжелого ранения на Миусе, Алексей снова попал на фронт. Он храбро сражался и героически погиб в марте 1944 года. О последних минутах жизни Алексея Васильевича Адрова писала «Правда» в статье «Солдаты наступления» [1].

---

[1] См. «Правда», 29 марта 1944 г.

Было это так. Немецкие танки неожиданно контратаковали наши наступающие части у села Ковалевка Николаевской области. Основной их удар пришелся на роту, в которой сражался Алексей Адров. Он первый метнул гранату во вражеский танк. Фашистская машина остановилась. Но и сам Алеша погиб в том бою. Ему было тогда 19 лет. И в моей памяти он навсегда остался молодым, ясноглазым, улыбчивым.

На встречу ветеранов приехали и мои школьные и фронтовые друзья: Гуров, Дронов, Марчуков...

Разведчик Иван Гуров работает сейчас агрономом в своем родном колхозе имени М. И. Калинина. Колхоз слывет передовым хозяйством. В этом немалая заслуга и Ивана Васильевича.

Павел Дронов после боя под хутором Безводным долго лежал в госпитале, получил инвалидность второй группы. Но не такой у Дронова характер, чтобы сидеть без дела. Сейчас он заведует клубом в хуторе Ильменском-1 Михайловского района, там, где родился и вырос. Жители станицы Кагальницкой присвоили ему звание почетного гражданина своей станицы. Павел Агапович — кавалер ордена Славы III степени.

Старый казак Агап, отец Павлика, напутствовавший нас, когда мы уходили в армию, умер, не дождавшись возвращения сына с войны. А как рад был бы отец узнать, что мы до конца выполнили его отцовский наказ! Рассказывали, что Агап был взволнован сообщением о нашей крепкой фронтовой дружбе и боевых делах. Он ходил по хутору и всем, кого встречал, говорил:

— Вот какие сынки выросли на нашей земле... Славно воюют! Не срамят чести родного хутора и славы казачьей.

Пулеметчик Семен Марчуков за подвиг на реке Миус был награжден орденом Отечественной войны I степени. После тяжелого ранения он долго лечился. Ему ампути-

ровали обе ноги. Но ничто не сломило закаленного в бою солдата. Семен Пантелеевич Марчуков и сейчас в строю — трудится главным бухгалтером конторы ремонтно-жилищного строительства в городе Михайловка.

Не все земляки вернулись с этой войны. Но память о них живет в сердцах людей. В хуторе Ильменском-1, рядом со школой, установлена стела. На ней начертаны имена погибших воинов: танкиста Александра Долгова, сгоревшего в танке под Белградом, Ильи Дронова — брата Павла, Григория Белякова — моего брата и других... Их свыше ста.... Они отдали жизнь за наше будущее.

Станица Арчединская хорошеет с каждым годом. На ее улицах поднялись новые жилые дома, общественные здания. И среди них средняя школа, воздвигнутая на самом видном месте. Она утопает в зелени. Надо ли говорить, как дорого нам все, что связано с детством, с учебой! Передо мной рукописная История школы. На одной из ее страниц, столбиком, как в классном журнале, записаны имена учеников, моих сверстников. Ваня Гуров, Саша Лестев, Ваня Балибардин, Ваня Железников, Сема Барышников... Ребята, шагнувшие со школьной скамьи прямо на фронт и принявшие в свои восемнадцать лет первый бой.

Учебный год в школе начинается с урока мужества. На этот раз его проводит учитель истории, участник Великой Отечественной войны Василий Яковлевич Куприяхин. Ребята слушают рассказ, затаив дыхание. Вот так же и мы слушали своего военрука А. П. Ставропольцева...

В школе, как и прежде, весело, шумно. Но на уроках дисциплина строгая. Ребята старательно овладевают знаниями, занимаются спортом. В старших классах юноши охотно изучают военное дело.

Радостно становится на душе, когда видишь этих ребят. Надежная растет нам смена!

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Алексеевич Беляков

В ПРИЦЕЛЕ „БУРЫЙ МЕДВЕДЬ“

Редактор *Ф. П. Водынин*
Художник *Т. А. Тихомирова*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Е. А. Шестернева*
Корректор *Е. В. Соловьева*

Г-90151. Одано в набор 19.5.76 г. Подписано в печать 3.1.77 г.
Формат 70×108/32. Печ. л. 3 1/2. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 4,842.
Бумага тип. № 2. Тираж 65 000 экз.
Изд. № 3/2197. Цена 41 коп. Зак. 155.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 41 коп.

